

АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ

Пути
Звездно-
рожденных

Заключительный том

Александр Зорич
Пути Звезднорожденных
Серия «Пути
Звезднорожденных», книга 3

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133863*

*Пути Звезднорожденных: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-041937-1, 978-5-9713-5277-8, 978-5-9762-2544-2*

Аннотация

Вот уже много тысяч лет, как канули в прошлое войны Высоких Сущностей – могущественных богов, некогда избравших для себя мир Сармонтазары полем битвы.

Однако осталось в мире древнее глухое пророчество – когда-нибудь, в год, когда над Сармонтазарой засверкает огненная комета, родятся трое Звездно-рожденных, трое великих воинов-магов, обреченных стать земными воплощениями ушедших богов. И однажды пророчество исполнилось. Теперь Звезднорожденным предстоит сойтись в новой битве.

Октангу Урайну, Служителю Темного Хуммера, удалось при помощи древней черной магии найти способ изменить прошлое – и отныне он подчиняет своей воле все новые народы и племена Сармонтазары.

Элиен Тремгор, Кузнец Светлого Гаиллириси, не в силах справиться с братом-врагом в одиночку.

Исход схватки зависит от того, чью сторону примет третий Звездно-рожденный – Шет окс Лагин. Полководец, стоящий между Светом и Тьмой...

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	9
Глава 2	26
Глава 3	46
Глава 4	64
Глава 5	126
Часть вторая	174
Глава 6	174
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Сармонтазара

САРМОНТАЗАРА 562 г. ЗДХ НАУЧНОГО ЦЕНТРА

- 1 - долины №5
- 2 - пролив Оу-Ноз
- 3 - пролив Сарек-Оат
- 4 - о. Перекеритугая Лыжа
- 5 - Надирский пролив
- 6 - Лом СДелар
- 7 - Гора Шальбо

Часть первая

Пробуждение властелина

Элиен, сын Тремгора из Ласара, уроженец Харрены, начинаю эту повесть с единственным и благим намерением – дать историю Круга Земель так, как ее можно видеть сквозь толщу веков сейчас, в неизвестном году после Исхода Времен.

Если ты, мой невозможный и немислимый чтец, сейчас видишь и читаешь это, значит, ты – это я, Элиен, сын Тремгора из Ласара, уроженец Харрены. Вспомни себя! Ты, навеки заключенный в безвремяе и пустоте Шара, впал в безумие и возомнил себя кем-то, кем ты в действительности не был и не можешь быть. Ибо эта книга, эти проклятые бесконечные Скрижали обречены на вечное пребывание здесь вместе со мной и никому из живущих под Солнцем Предвечным не дано увидеть их никогда. Значит, ты, открывший начало Скрижалей, либо не существуешь (что невозможно), либо являешься мною. Вспомни себя и довольно об этом!

Я, Элиен, Звезднорожденный, сын Великой Матери Тайя-Ароан, познавший и добро, и зло, и грань между ними, клянусь сообщать одну лишь правду и ничего кроме правды. Пусть порукой этим словам послужит моя совесть Звезднорожденного – единственное, что осталось в этом проклятом омуте мироздания».

Элиен, сын Тремгора. «Исход Времен»

Глава 1

Измененная и обращенная

1

Неказистые парусники торговцев креветками и морскими грибами неторопливо расползались из гавани, залитой рас-
плавом закатного золота. Конец торговле, самое время про-
пить вырученный барыш. Навстречу суетливым торговым
козявкам в гавань входил исполненный пафоса черный фай-
елант Гамелинов.

Никаких сомнений – послы.

Из Пояса Усопших, невидимого и неустрашимого, словно
сама смерть, оседлав пыльный ветер, несся безмолвный зов
гибели. Никто не слышал его, суета запечатывает уши не ху-
же воска. День уходил, еще один день уходил в небытие.

Тай-Кевр Неистовый, глава Дома Пелнов, рассеянно про-
вожал взглядом верткие купеческие посудины.

Он не любил креветок, крабов, грибы. «Сплошное несва-
рение, пища для луженых желудков черни», – ворчал Тай-
Кевр. Он не любил море. Тай-Кевр любил женщин и власть
над ними. Тай-Кевр ненавидел надменный Наг-Нараон и
владельцев Гамелинов. «Распутное отродье, управы на

них нет», – скрежетал Тай-Кевр.

Десять лет назад Гамелины растоптали и обезглавили другие Благородные Дома Алустрала. То есть, конечно, обезглавила их война. Но кто затеял эту войну? Гамелины. Многие помогали нечестивцам в истреблении цвета Благородных Домов... Даже бешеные чужеземцы из Сармонтазары – и те явились не запылились! Медоточивые уста поэтов вознесли подвиги Гамелинов к самому Намарну. Продажные составители исторических хроник уложили деяния Гамелинов – предателя Герфегеста и распутницы Харманы – в тесные саркофаги лжи.

Помнит ли кто сейчас в Реме Великолепном, как все клоаки столицы волею Гамелинов были красны от человеческих внутренностей? Как по окончании войны городская чернь собирала ополчение для охоты на бродячих псов-людоедов, которые за время лихолетья так привыкли к человечине, что ничего больше и жрать-то не желали?

Судачат ли морячки да солдаты императора Торвента Мудрого о том, что десять лет назад Рем Двувратный обратился Ремом Безвратным, ибо обе его гавани обмелели от тысяч трупов, закованных в тяжелые доспехи?

Разумно ли вспоминать сейчас, что его отец, Шаль-Кевр, нашел свою смерть от руки Гамелинов?

Что его брат, Глорамт Смелый, пал от руки Герфегеста – плененный и безоружный?

«Нет. Нет, – вздохнул, сжимая кулаки, Тай-Кевр, – ибо

сейчас Гамелины сильны как никогда».

2

Это было вчера – гавань, расплав закатного золота, опасные, несвоевременные мысли – резвые и прямые, как клинок.

Сегодня были угрюмые камни Судного Плаца под ногами и безмолвные изваяния великих воинов, долженствующие символизировать неподкупность и беспощадность суда. Толпа зевак, студнем колышущаяся за спинами оцепления, отчаяние обреченных на смерть.

– Хозяин, ты должен... – над ухом Тай-Кевра прошелестел шепот распорядителя.

– Да, – кивнул Тай-Кевр. – Пора вершить правосудие.

Пятеро – четверо мужчин и одна женщина – ожидали своей участи.

Их руки были скручены за спиной воловьими жилами, проваренными в шипучей соли, их шеи – прикованы к медным столбам. Палач лениво ковырял в разинутой пасти серебряной зубочисткой. Палачам хорошо платили. Зубочистка могла бы быть и золотой.

Неплохой улов случился вчера у морской стражи вотчины Пелнов. Под хрустящими креветками и осклизлыми морскими грибами в одной из лодок сыскалось кое-что интересное. Дым-глина – это как обычно. За добычу, укрывательство и

продажу этого ядерного дурмана секут плетьюми, рвут ноздри и благословляют рудниками. Там можно жить (не долго), оттуда можно сбежать (не часто).

Но, кроме дым-глины, душегубского вида контрабандисты привезли с собой женщину. Мертвую женщину.

Это была чересчур весома улика.

«Где тело – там убийство» – гласит Кодекс Правосудия.

«Убийца подлежит смерти. Двое убийц подлежат двум смертям через трехступенчатый излом. Четверо убийц подлежат четырем смертям через пятиступенчатый излом» – уточняет Кодекс Правосудия.

Но было и нечто худшее, чем труп.

Тай-Кевр переспрашивал лекаря трижды. Женщина была бездыханна? Да. Хладная сталь не туманилась ее неслышимым дыханием? Нет. Сердце молчало? Да.

Тай-Кевр снова посмотрел на женщину. Узкое большеротое лицо, обрамленное змеистыми прядями – черными, как земля. Твердый, какой-то мужской подбородок, сильная шея хищницы. Чистая, ухоженная кожа. Грудь преуспевающей содержанки, плоский, сильный живот. Ноги, совершенство которых можно оценить даже сквозь кружево хвороста, наваленного до самых бедер. Аккуратный треугольник курчавых волос над непознанной мглой жемчужницы. Выходит, благородная?

Что бы там ни было вчера, сегодня и сейчас женщина была жива.

Жива, как и четверо ее мнимых убийц, в один голос утверждавших, что подобрали тело в Поясе Усопших.

Тем хуже для них и для нее.

Потому что есть лишь одно преступление, которое всезнающий Кодекс Правосудия Пелнов считает преступлением тяжелее убийства, – это Изменение и Обращение. Изменение естества вещей и Обращение порядка вспять, к хаосу.

Мертвому не обратиться живым. Так было, так есть и так будет. Тех, кому это не очевидно, а в особенности тех, кому нравится делать мертвое живым, – ждет смерть. Через испепеление.

– Повелеваю...

С первыми звуками его голоса время остановилось. Толпа любознательно онемела. Яблоко в руках худощавого судовладельца в щегольском желтом плаще, расшитом стразами, осталось ненадкушенным. Помощники палача напрялись, изготовившись окунуть пять факелов в чадное пламя запальной чаши.

– ...Именем Синева Алустрала привести к смерти через испепеление...

Факелы дрогнули, но не посмели опередить слова главы Дома Пелнов.

– ...Четырех преступников мужеского рода...

Тай-Кевр замолчал, ибо его холодные глаза невольно встретились с цепким взором женщины. В нем не было ни мольбы, ни раскаяния.

Всеобщее замешательство. Мужиков, ясное дело, сейчас поджарят. А что с женщиной? Как же Обратившаяся? Может, колесуют для разнообразия?

– ...Преступницу женского рода направить на дальнейшее дознание. Приговору – быть!

Тай-Кевр замолчал и перевел требовательный взгляд на распорядителя. Недоумение в глазах последнего незамедлительно сменилось преданностью и служебным рвением.

Распорядитель махнул рукой.

Палач вытер зубочистку о край рукава и заткнул ее в пышный пук волос, венчавший его макушку. Он выбросил на пальцах четверку, потом кивнул пятому прислужнику и сделал отгребаящий жест ладонью – отваливай, мол, ты тут лишний. Четыре факела окунулись в запальную чашу, пятый полетел в хворост незажженным.

Судовладелец в сердцах швырнул яблоко себе под ноги. В кои-то веки могли сжечь суку, да пожалели...

3

Истошный вопль самого живучего из обреченных, слышный даже в опочивальне, наконец затих.

Тай-Кевр вытер губы тыльной стороной ладони и отставил в сторону изящный сосуд с тягучим хмельным вином.

«Надо будет заказать обычный кубок, без всех этих художеств. Гамелинами от него так и прет», – подумал Тай-Кевр,

недовольно рассматривая сосуд. Его гнутый носик чересчур походил на лебединую шею. Тай-Кевр ненавидел лебедей так же сильно, как и Гамелинов. Даром, что ли, лебеди кичатся своей дурьей красой на гербе этих зазнавшихся выблядков?!

Его полуодетая гостья молча взяла сосуд и, присосавшись к крамольному носику, осушила его до дна. Да, хорошими манерами ведьма не блистала.

Пока что он не услышал от нее ни одного слова. Немая? Но так, пожалуй, даже лучше. Женская болтливость утомительна, как зима.

Тай-Кевр знал, что будет дальше. Он отхлебнет еще вина и деловито поцелует ее набухший сосок. Она ответит ему поддельным вздохом вчерашней девственницы. Своими крепкими пальцами он прикоснется к ее ладным ягодицам и его ладони почувствуют призывную дрожь ее тела. Он будет нежен или жесток – какая разница? Он изопьет ее всю и отшвырнет прочь. Дескать, больше не желаем.

А потом, когда дознание окончится, будет огонь и ликование толпы, едва ли она успеет разбежаться за то время, что он, Тай-Кевр, отдаст испытанию Измененного, колдовского лона женщины. Справедливость восторжествует и судовладелец в желтом плаще сможет с чистой совестью сожрать свое яблоко.

Тай-Кевр в изнеможении опрокинулся на спину. Его опустевший взгляд уперся в потолочную роспись: «крылатые корабли»-альбатросы под Солнцем Непобедимым.

Да, затянувшееся сегодня все еще длится.

Наверное, нет и четырех часов пополудни. Но почему-то кажется, что Судный Плац был тысячу вечностей назад. А быть может, не был никогда.

Новая наложница Тай-Кевра, от которой он пока еще не слышал ничего, кроме сладострастных стонов, провела пальцем по его мускулистому плечу. Вот уже десять лет, как две разлапистые татуировки покрывали его кожу, словно серебряное шитье – траурный шелк. Две татуировки – два знака мести. За отца и за брата.

– Я знаю, как сокрушить Гамелинов, – сказала женщина.

Тай-Кевр вздрогнул всем телом и присел на постели.

Голос женщины был низок и глубок. Она не была немой. Она говорила на языке Синего Алустрала.

В следующее мгновение острие кинжала, выхваченного Тай-Кевром из потайных ножен в изголовье ложа, уткнулось в шею женщины, покрытую ссадинами от железного ошейника и синяками от жестоких поцелуев Хозяина Дома Пеллов.

– Говори, – прошептал Тай-Кевр. – И помни: каждое сло-

во правды в твоих устах стоит дня твоей жизни.

– Слово правды в устах Син стоит дороже Хрусталя Небес, – цинично усмехнулась женщина и, не обращая внимания на кинжал, взглядом указала на дверь.

Тай-Кевр вздрогнул, словно от удара бича, и стремительно вскочил с ложа.

На пороге опочивальни стоял давешний судовладелец в желтом плаще со стразами и самодовольно улыбался.

Но как? Как он проник сюда? Как пробрался мимо стражи, как просочился сквозь запертые двери, как не заплутал в обманных ходах, уводящих в глухие колодцы, из которых непрошеным гостям не выбраться?

За спиной Тай-Кевра хрипло рассмеялась женщина. Но глава Дома Пелнов не услышал ее смеха.

Он зачарованно смотрел в глаза незваному гостю. Ему казалось, в этих переливчатых глазах отражается весь мир. Мир грядущего – измененный, незнакомый, мир другого Закона и другого Порядка.

5

Нечеткие тени оконных переплетов лежали на лицах родичей Тай-Кевра, придавая им сходство с рыбами, замершими на мелководье среди водорослей. Как и рыбы, родичи Тай-Кевра готовы были ждать долго, если речь шла о поживе или о совокуплении. Ничего более интересного родичи Тай-

Кевра в этой жизни повидать еще не успели. Все они были молоды, сильны и неопытны. Почти все воины старшего поколения Пелнов погибли десять лет назад: в крепостях Лорнуома, в Веселой Бухте, на файелантах Глорамта. Но прошли годы – и вот младшие братья тех, погибших, уже бреют бороды и дерут девок! Тай-Кевр хищно улыбнулся.

– Я собрал вас, любезные кровники, чтобы напомнить вам об Игрицах Альбатросов. В этом году Игрицам назначено жребием состояться Наг-Нараоне под покровительством Гамелинов, наших друзей и союзников. Не далее как вчера прибыли послы благородных Гамелинов. Они любезно приглашали нас, Пелнов, разделить праздник единения Благородных Домов Алустрала и все такое прочее...

Слова Тай-Кевра были встречены глухим ворчанием. Впрочем, на это он и рассчитывал, произнося откровенно подстрекательские формулы «благородные Гамелины» и «наши друзья и союзники».

Тарен Меченый вполголоса, но так, чтобы все слышали, пробормотал:

– Не век стоять Наг-Нараону...

Сильнейшие Цуддамн и Салаав, двое опытных и невероятно везучих воинов Дома, которым некогда посчастливилось уцелеть даже в ночной мясорубке близ Белой Башни во время охоты Глорамта за файелантом «Жемчужина морей», переглянулись.

– Этих бы послов в клетку и – к крабам, – мечтательно

сказал Цуддамн.

– Или просто заколоть. Тоже сойдет, – добавил благородный Салаав.

Не сдержался и самый молодой из Сильнейших, Раш. Грохотнув ножами о скамью, он вскочил в полный рост и запальчиво крикнул:

– Нога Пелна не ступит больше на обогранные кровью наших родичей плиты Наг-Нараона! Пелны придут в Наг-Нараон только затем, чтобы принести смерть Гамелинам на остриях своих клинков! Но наше время еще не пришло, – заключил Раш упавшим голосом.

О том, что «время еще не пришло», знал каждый Пелн. А о том, когда же оно все-таки придет, не знал никто. Силы были слишком неравны. Ничто не позволяло надеяться на близкое возвышение Дома Пелнов и крах Гамелинов.

Тай-Кевр снисходительно поглядел на Раша.

– Сядь, племянник. Твой язык живет вчерашним днем.

Тай-Кевр мастерски выдержал паузу, чтобы все успели сообразить, что сейчас глава Дома Пелнов скажет нечто из ряда вон выходящее.

– Мы примем приглашение Гамелинов. Мы пошлем в Наг-Нараон три своих лучших файеланта, своих лучших борцов и сказителей, как то и заведено на Игрищах Альбатросов. Об этом сегодня же узнает каждый портовый нищий.

Среди Сильнейших вновь прополз шепоток. На этот раз озадаченный.

– А о том, что вы услышите сейчас, ваши языки и уши должны будут забыть, как только вы покинете этот зал. Однако ваш рассудок должен запечатлеть каждое мое слово. И когда наступит время – а оно уже совсем близко, – вам останется лишь пройти там, где сейчас лягут мои слова.

Теперь Тай-Кевр видел в лицах своих родичей одно лишь трепетное внимание. Он набрал побольше воздуха в легкие и начал:

– Итак, могуществу Гамелинов есть предел...

6

Кальт находился в пути уже десять дней. Родом из дикарской Северной Лезы, он был крепок, упрям и самоуверен.

Кальт промышлял лозохождением, выискивая воду, руду и честные места для домов и капищ. Часы досуга он проводил на рыночных площадях, состязаясь в кулачном бою и на мечях с теми, кто полагал синяки и шрамы лучшим украшением мужчины. Как ни странно, Кальт знал и грамоту. Правда, книгочей из него был никудышный.

Орудия труда – две серебряные нити с отвесами, ясеневый прут, стеклянный сосуд с кедровым маслом, внутри которого парил, словно бы невесомый, янтарный шарик, и кое-что еще – были уложены в кожаный мешок, притороченный к седлу. Меч, тоже бывший в некотором роде орудием труда, висел у пояса.

Кальт редко останавливался на ночлег в придорожных трактирах. Когда ему хотелось по-человечески выспаться, он наскоро обустраивал себе ночлег в лесу. Лес Кальт сызмальства привык считать вторым домом. Всего отличия – отхожих мест столько же, сколько спален.

Ну а после того как он пересек границу Харрены, можно было при желании дремать в седле, не прерывая движения. Благо дороги в Харрене позволяли.

Прямые и широкие, вымощенные греовердом, отшлифованные колоннами солдат, подошвами скороходов, караванами купцов и колесницами торжественных процессий, харренские дороги были настоящими произведениями искусства.

Пять раз за дневной переход путник встречал колодцы, дважды – постоянные дворы, не менее одного раза – укрепленные «гнезда» дорожной стражи. Если дорога проходила через лес, то по обеим сторонам деревья были вырублены на двадцать шагов, а подлесок уничтожен на пятьдесят. Вооруженные егеря следили за тем, чтобы вырубки не зарастали: злоумышленнику не устроиться в придорожных кустах, разбойнику не спрыгнуть с нависающей над дорогой ветки.

Там, где хороши дороги, вести распространяются со скоростью ветра. Кальт понимал: о том, что война Харрены с Северной Лезой, его пасмурной родиной, неизбежна, уже наверняка знает весь Север. Босому человеку, наряженному в кожаные штаны и меховую куртку зверовщика (а именно так

одевался Кальт до того, как отправился путешествовать), наивно ждать дружелюбия со стороны просвещенных жителей Харрены. И Кальт его не ждал.

Нет, Кальт вовсе не хотел, чтобы солдаты дорожной стражи пускались упражняться в ослоумии при его приближении, а горделиво восседающий в измазанной навозом фуре крестьянин шипел ему вслед «ишь разъездился, варвар воночий». Вот почему Кальт дальновидно предпочел привычному и такому удобному наряду охотника платью харренского горожанина. Девяти собольих шкурок хорошей выделки хватило на то, чтобы превратить заезжего варвара в рядового странника. Плащ цвета осеннего вереска, сапоги из оленьей кожи, толстые холщовые брюки и рубаха с вышитым воротом – ко всему этому убранству пришлось привыкать, но Кальт справился.

Позади лежали подернутые первым инеем леса и обновленные засеки необузданной Лезы, затаившейся в преддверии бессмысленной войны. Впереди – неизвестность.

7

Одиннадцатый день пути застал Кальта в самом сердце векового харренского леса. Дорога была пустынна и молодой лозоходец поневоле затосковал. Какое будущее ждет его заносчивую родину? Какая судьба уготована ему самому?

Ответ на первый вопрос Кальт знал: бесславное поражение.

ние и обновленный кабальный договор о рудных и пушнинных промыслах. А ради ответа на второй он оставил своих родичей перед лицом войны, заслужив упреки в трусости и малодушии. Но этот ответ стоил презрительных желтозубых оскалов выживших из ума старух и злобного шипения дядьев и братьев – в этом Кальт не сомневался.

Вдруг на дорогу перед Кальтом вышли люди.

Они поднялись в полный рост прямо из пожелтевшей придорожной травы – будто из земли выросли. Если бы Кальт не знал про такие трюки – канава, прикрытая сверху дерном, и человек в ней, прильнувший ухом к земле, – то, пожалуй, удивился бы. А так пришлось ограничиться испугом.

Кальт быстро оглянулся. Сзади тоже гости.

Это были ронты, Кальт сразу узнал их по неряшливому виду и пытливой алчности во взорах. Наемники, временно оказавшиеся без работы.

Немало таких сползлось в Харрену, предвкушая поход на Север. Не исключено, что эти вояки попросту дезертировали из-под харренских знамен и ушли на вольные хлеба. Наверняка не дураки попить на деньги, добытые из кошелька одинокого путника. А значит, и из его, Кальта, кошелька.

Ронты были вооружены не совсем обычно. Круглые кожаные щиты отсутствовали, короткие мечи были рассчитаны под левую руку, а для правой у каждого имелась ладная дубина.

– Хорошо мне видеть тебя, человек, – процедил сквозь

зубы предводитель ронтов, старательно выжимая к случаю весь свой небогатый запас харренских слов. – И людям моим хорошо. Твой мешок большой – знаю, там много полезного.

– Уходите. У меня есть только одежда. В мешке – инструменты. Можете их купить, но платить придется жизнью.

– Верткий язык, ловко служит! Но правда не ему, правда – эта. – Вожак ронтов со значением потряс дубиной.

– Тогда говори свою правду. – Кальт слез с коня и вынул из ножен меч. Увы, чутье подсказывало ему, что разойтись подобру-поздорову не выйдет.

Жестом осадив своих людей, ронт наморщил узкий лоб и пошел на Кальта.

– Пляши, человек с большим мешком, – проворчал он.

Может ли тягаться презренный наемник с лозоходцем, которому ведомы тайны Путей Силы? Кальт не хотел убивать ни задиристого ронта, ни его компаньонов, но и устраивать потешного поединка на потребу публике он не стал – публика того не стоила. Не успел ронт как следует примериться для первого выпада, а Кальт уже вынырнул у него за спиной, нежно позаимствовал у него дубину и без особых церемоний тюкнул того по затылку. Так, не убийства ради, а задля хорошей шишки на память.

Вожак ронтов промышчал что-то угрожающее, но тут же упал на услужливо подогнувшиеся колени.

Кальт замер, окруженный тревожным молчанием. Неужели так быстро?

– Я победил и теперь я ухожу. Может, еще кто хочет попробовать?

Кальт надеялся, что ронты не до конца позабыли Право Народов. Одолевший предводителя – непререкаемый авторитет, вреда ему не могли причинять, а слушай в оба уха. И Кальт не ошибся. Желających «попробовать» больше не нашлось.

– Я бы и сам вашим ремеслом промышлял, братцы. Да наглости не хватает, – вместо милостыни бросил им Кальт.

Затем, не дожидаясь, пока ронты опомнятся, он вернулся в седло и жестоко пришпорил коня. Тоску и думы о судьбах родины как рукой сняло. Что значит хорошая разминка на свежем воздухе! Назвать подобное происшествие «неприятностями» у Кальта язык не повернулся бы.

Глава 2

Элай, сын Элиена

1

– Да ты что делаешь, недоносок?! Ты что де... – успел крикнуть Вада и рухнул в ледяную воду, поднимая облако колючих брызг.

– Держись, я сейчас! – Элай – это его только что обозвали недоноском – присел на корточки и мертвой хваткой вцепился в скамейку.

Лодка ходила ходуном, а последовать за товарищем Элаю очень не хотелось. На дне лодки, прямо у его ног, подле вместительной корзины с обедом, дожидались своей очереди гарпуны, сети, «обманки» и прочие штуковины, совершенно необходимые каждому, кому взбрело в голову промышлять налима двумя лигами ниже Таможенной Плотины.

– Минуточку еще подожди, а? Я уже иду! – добавил Элай, ни на миг не ослабляя хватки. – Холодно, я понимаю. Потерпи чуток!

Но Вада не слышал его. Днище лодки, превратившись в смертоносный молот, опустилось на голову отчаянно барахтающегося Вады. Столь стремительно, что тот даже не успел

осознать: он уже умер.

– Вада, ты где там?! Чего затих, а? – поинтересовался Элай, осторожно выпрямляясь. Он очень старался казаться самому себе мужественным и спокойным.

Сердце его трепыхалось в груди, словно запертая в клетку пичуга при виде любимого кота хозяйки.

– Ты чего там – налим ползадницы откусил, да?

Элай осторожно подполз к тому борту лодки, с которого сверзился Вада. Тишина. Ни плеска воды, ни призывов о помощи.

Элай выглянул за борт. Буро-красные водоросли, на них – не то пузырьки, не то жабья икра, от воды пахнет тиной, волнение совсем небольшое.

– Вада, что за тупые шутки? Отзовись, – попросил Элай шепотом.

Но ответа не последовало. Где-то на берегу, скрытом стеной тумана, глухо заревел олень, которому не было до происходящего в лодке ровным счетом никакого дела.

Элаю сделалось по-настоящему страшно.

2

– На налима? Осенью? Жить им надоело, что ли, мало-хольным? – вслух рассуждал конюх, подливая бражки своему собутыльнику, такому же конюху, когда Элай и Вада, гордо взвалив на плечо снасти, проследовали к пристани.

Эти слова донес до ушей Элая пронырливый ветер. Разумеется, сии откровения не предназначались для ушей Элая, сына свела Элиена, равно как и для ушей его товарища Вады, юноши безродного, но бойкого и сметливого.

«Вот вернемся – я ему покажу, этому смерду, кто тут малохолдный...» – сплюнул Элай, бросая снасти в лодку.

У него тотчас же созрел план мести (которым он поспешил поделиться с Вадой) – дурацкий, как и все прочие его планы. Даже неученому гервериту известно, сколь обильное и безудержное расстройство желудка вызывает большой зуб налима, измельченный и вымоченный в уксусе, если его подмешать к еде. Вот конюху-то он зуб и подмешает. В том, что они с Вадой без труда добудут крупного налима, Элай не сомневался. Тогда, на пристани, все эти жалкие сортирные расклады казались смешными.

Сейчас Элай сидел, сгорбившись, на дне лодки. Его глаза были закрыты. Бородавчатая харя конюха издевательски скалилась под смеженными веками наследника оринского престола.

В уключинах болтались жалкие обломки весел. Когда невиданной величины и свирепости рыба прошла под лодкой в первый раз, она играючи снесла мощным панцирным хвостом левое весло. Правое весло налим попросту перекусил.

Снова затрубил на далеком берегу пятнистый олень и этот звук вывел Элая из оцепенения.

Он должен что-то сделать. Что?

Двигаться к берегу.

Как ему двигаться к берегу? Налегая на весла.

Имеются ли весла? Нет.

Остался только шест, выточенный из молодого вяза. Прочный, тяжелый. Такой шест нужен для того, чтобы отталкиваться от берега и преодолевать отмели. Можно ли двигаться, орудуя этим шестом, словно веслом? Вот это вряд ли.

Элай обернулся.

Позади лодки, неспешно, но неуклонно несомой течением вперед, к гибели, он заметил некое странное движение. Поверхность воды кипела, словно бы в глубине неожиданно отверзлись недра и из них, пузырясь и бурля, пошел предвечный пар, которым, как утверждают мудрецы, наполнены недра земли.

Это были налимы. Они с жадностью пожирали тело утопленника Вады и между делом дрались друг с дружкой за самые сладкие куски.

Элай чуть не заплакал. Ему хватило сообразительности понять, что пуститься к берегу вплавь – не лучшая идея. Налимов в этих местах много, а мяса мало.

Впрочем, вода была такой холодной, что даже если бы все налимы Ориса окочурились в одночасье или перешли бы к травоядению, Элаю едва ли удалось преодолеть хоть половину расстояния до берега.

Его отец, Элиен Тремгор, пожалуй, справился бы с этой задачей даже в свои сорок. Но куда ему до отца! Он, Элай,

не Звезднорожденный, но лишь сын Звезднорожденного.

3

Элаю не хотелось умирать.

Размахивая руками, он стал звать на помощь. Быть может, там, на берегу, есть кто-нибудь, кто поймет, что произошло? Какой-нибудь рыбак, который догадается, что за спасение сына свел не пожалеет ни денег, ни прибыльных должностей? Быть может, тот олень, что трубит сейчас, подзывая подругу, уже выслежен охотником, у которого – совершенно случайно – в прибрежных плавнях припрятана лодка?

– Э-ге-гей, помогите сыну свела!

Никто не откликнулся.

– Тысяча золотых за спасение!

Без ответа. Даже олень заткнулся.

Когда Элай сорвал голос, он сел на скамью и решил испробовать последнее средство. Средство, к которому он не прибегал ни разу за свои семнадцать лет. Он вознес мольбу к Неявленным, к Высоким Сущностям.

Конечно, Элай не умел молиться – раньше все время было недосуг, не доходили руки. В конце концов, хотя писаного запрета в Орине не существовало, частные молитвы не поощрялись. Отец рассудительно замечал, что всякий, кто хочет быть услышанным, должен обладать силой особого свойства, а вот силой-то как раз обладает далеко не всякий. Соб-

ственно, только жрец, да и то, как правило, один на целую коллегия. Ну а малообщительные диоферида во время редких публичных выступлений намекали, что молитва может быть услышана *не тем, кем надо*. И понята *превратно*. А потому, добрые граждане Орина, не балуйте и на заемную у Неявленных удачу пасть не разевайте.

Но теперь Элай догадался: молиться совершенно обязательно. Хоть как.

Вначале он возвал к духам предков, которые, быть может, смилостивятся и не оставят в беде отпрыска древнего рода Акретов.

Затем – к огненноокому Гаиллирису, покровителю Харрены. Жрецом Гаиллириса, это Элай помнил, был его отец. И чудес он сотворил, по слухам, немерено. Может, и у него, Элая, работает?

А после, неожиданно для самого себя, Элай помянул имя Великой Матери Тайа-Ароан.

Элай помнил, что среди всех непоощряемых в Орине молений менее всего поощрялись призывы к милости Владетельницы Багровой Печати. Даже, кажется, за прямое гласное обращение к Великой Матери могли выслать за семидесятую лигу, а то и вовсе к праотцам – тут в голове Элая полной ясности не было. И все равно сын Элиена с жаром принялся взывать именно к ней. Что с того, что его мать бледнела и делала большие глаза при одном упоминании Тайа-Ароан? Что с того, что отец предостерегал его пуше сглаза

от молитв Великой Матери?

«Предостерегал? Запрещал? Что ж, так даже лучше. Простолоудины уши ей не намозолили своими просьбами», – успокоил себя Элай.

Он страстно шептал молитвенные формулы, всплывшие невесть из каких потайных закоулков его памяти, и требовал спасения. Старательно делал такое же вдохновенное лицо, какое было у отца на торжественных жертвоприношениях. Получалось плохо.

«Но главное, чтобы в душе... это самое», – не унывал Элай.

Нос заложило, он начал гундосить. Спина, лоб, живот покрылись липкой испариной. По щекам текли слезы. Как ни хорохорился Элай, а убедить себя в том, что Великая Мать – это такая добренькая тетя, которая явится и решит все проблемы, не требуя ничего взамен, ему не удавалось. Его руки были сложены на груди в древнем и величественном молитвенном жесте, но его пальцы дрожали, как у молодого рыночного воришки, обрабатывающего свою первую подводу с товаром.

Непонятные, чужие слова, которые он произносил – а теперь он молился не про себя, а в голос, – были ему непонятны. Он не знал, что означают эти слова, но чувствовал: что-то жуткое.

А между тем слова, которые озвучивали уста Элая, были таковы, что, услышь он их повторенными эхом, да еще и на

родном языке, его лицо покрылось бы морщинами, а волосы поседели от корней и до кончиков. Не так-то приятно слышать некоторые вещи.

Итак, Элай не ведал, что творит. И все равно материя мироздания плавилась под его молитвой, а огненный перст судьбы, словно грифель, торопливо вычерчивал на небесной доске данные им клятвы. Тогда Элай еще не знал, что отныне сказанное им в лодке будет с ним до смерти и после смерти, воскресая и изменяясь в пучинах кошмарных видений, от которых не просто очнуться.

Предоставленная самой себе лодка тем временем приближалась к мысу, который рыбаки, по весне промышлявшие в здешних местах все тех же налимов, окрестили Кривой Ногой. За этим мысом Орин резко сужался, течение становилось неукротимым и взгляду самоубийцы, которому не посчастливилось обогнуть Кривую Ногую, открывались Пороги.

Одной каменной гряды было достаточно для того, чтобы расколоть в щепу самую крепкую лодку и размоzzить об острые скалы голову, пусть даже самую тупоумную.

Элай высморкался в кулак и снова зарыдал, его переполняла жалость к себе. Семнадцать лет – это слишком рано для смерти.

Он больше не пытался отогнать прочь мысли о неизбежности гибели, теперь он ими упивался. Умереть? Прекрасно! Распрекрасно!

Элай обеими руками стиснул кинжал, висящий у пояса.

Еще утром он рассчитывал вырезать им большой зуб добытого налима. Теперь, похоже, придется употребить благородную сталь на дело воистину благородное: перерезать себе горло.

«Как это величественно – уйти, как подобает воину, не дожидаясь, пока бурный поток низвергнет тебя вниз», – размышлял Элай, как бы со стороны любуясь собственной твердостью духа. На самом деле, где именно нужно резать, чтобы «уйти как воин», Элай понятия не имел.

Элай глубоко вздохнул. Поднял взгляд в затянутое свинцовыми тучами небо.

– Прощай, – сказал он.

Голос его дрожал.

Если бы дело было ночью, Элай наверняка увидел бы там, над головой, лик Великой Матери, снова, впервые за семнадцать лет, проявившийся на безразличном небосводе. И тогда душа сына Элиена Звезднорожденного наполнилась бы неизъяснимым ужасом, которому он не сыскал бы имени. А так ему просто было очень и очень страшно.

Элай перевел взгляд на кинжал.

Вздохнул, приставил его острием к горлу. Отвел руку для удара. И вдруг заорал:

– Великая Мать услышала меня!

Лодка поравнялась с поросшим соснами гористым мысом. На одно крохотное мгновение первобытная жуть вновь овладела Элаем. «Какую плату потребует от меня Великая

Мать?» Но он устало отогнал от себя эту мысль, как иные отмахиваются от назойливой мухи. Не ведая при этом, что кус ее может оказаться смертельным.

К Элаю двигалась другая лодка, в которой, насколько он мог разобрать, сидел человек, споро налегавший на весла.

Элай разглядел своего спасителя не сразу – он был слишком поглощен удивительно яркими видениями, которые развернулись перед его мысленным взором. Ему мерещились собственные похороны.

Раньше ему доводилось видеть только чужие похороны, и теперь он был растроган и перепуган. С мрачным злорадством Элай, словно бы наяву, разглядывал Гаэт – свою мать, – целующую его, Элая, хладные уста. Своего отца, застывшего у могилы, куда только что уложили гроб-бочку, с печатью немого отчаяния на челе. Он, удивленный и испуганный Элай, скользил, словно бестелесный невидимка, по затянутому скорбью родному городу, заглядывая в винные кувшины, стоящие на украшенном белыми хризантемами жертвеннике, и в лица своих обидчиков и друзей.

Кувшины были пустыми, лица – равнодушными. «А как же запоздалое раскаяние? Неужели никому не стыдно, что, когда я был жив, они были ко мне так жестоки?» – возмутился по этому поводу Элай, и это возмущение вмиг разрушило иллюзию.

Теперь уже можно было разглядеть спасителя. Щуплый, высокий, гладко выбрит. Сложения невоенного. Войлочная

шапка с ярким фазаньим пером. Пристойное дорожное платье на деревянных застежках, такие носят северяне. На плечах – пелерина из волчьего меха. Это тоже на северный манер.

На поясе – тугой сарнод и ножны. И еще одни ножны, подлиннее. Что, интересно, такой щеголь ищет в этой глухомани, в стороне от дорог? Бруснику собирает?

Элаю очень хотелось думать, что спасение его – вещь благая, но случайная. Незапланированная. Но в это как-то не верилось...

– Привет тебя, юноша, – сказал северянин, тяжело дыша. Голос у него оказался высоким, каким-то немужским, но Элаю было не до этих странностей.

– Привет! Еще какой привет! – заулыбался Элай, когда их лодки поравнялись. – Ты даже не представляешь, что...

– Ладно-ладно, любезничать потом будем. Лучше прыгай ко мне, пока нас обоих не унесло, – отмахнулся северянин.

Его войлочная шапка была низко надвинута на брови, что, впрочем, не в состоянии было затенить правильные, чересчур правильные черты лица.

Скоро они причалили, и невысокие сапоги Элая здорово хлебнули ледяной воды.

4

– Только я не мужчина. – Ийен лукаво усмехнулась и рыв-

ком сняла шляпу. Волосы цвета спелой ржи расплескались по ее плечам.

– Я вижу, – откликнулся Элай, стаскивая размякший сапог. – А платье мужское?..

– В мужском платье легче путешествовать. Никто не орет «эй, красотка!», не норовит ухватить тебя за передок, не зовет вместе поужинать. Кому нужен тщедушный юноша? Впрочем, попадаются господа, которым юноши – самое то. Но ты ж не из таких, а?

– Я? Н-нет. Не из таких. Кажется.

– Ну чего ты? Я просто пошутила.

Ийен заразительно расхохоталась, и в хохоте девушки Элаю на миг почудилось нечто зловещее. Могильным холодком веяло от ее смеха, и это никак не вязалось с ее миловидным, простоватым личиком.

– Что-то не так? – спросила Ийен, заметив замешательство Элая.

– Нет, я просто... просто сильно перетрухнул. В лодке.

– То ли еще будет, – как-то гадко хмыкнула Ийен.

Бросив на Элая испытующий взгляд, она принялась растилать конскую попону и распеленывать тюк с вещами. На мгновение Элаю показалось, что девушка знает о его молитве Великой Матери. Но откуда? И потом, что за зловещее «то ли еще будет»?

«Зловещее-зловещее! Да что я заладил, как козел какой-то? Хватит с меня на сегодня всего этого „зловещего“»

дерьма», – решил Элай и, отшвырнув сапоги, отправился разводить костер.

– Ну, про меня ты уже знаешь, – начал он, когда они сели перекусить. Тут-то и пригодилась пузатая корзинка, взятая из дому и спасенная из обреченной лодки. – А ты что здесь делаешь?

Элай подозревал, что правды Ийен ни за что не скажет, но ему было все равно: лишь бы не молчать. В конце концов, главное, что он остался жив. А остальное – необязательные нюансы. Ясное дело, Ийен как-нибудь отшутится. Вменяемому мужчине нечего делать возле Порогов, а девушке – и подавно. К вящему удивлению Элая, Ийен не стала отшучиваться.

– Я пришла сюда, чтобы поговорить с тобой с глазу на глаз, Элай, – сказала она без тени улыбки.

У Элая непоэтически заурчало в животе от тоски и дурных предчувствий. Внезапно то липкое, илистое помрачение души, что толкнуло его на мольбу Великой Матери, вновь ожило и цепкие щупальца миров зла зашарили по его коже, проникая в каждую ее пору, пробираясь в самые отдаленные уголки мозга, оплетая чувства паутиной предопределенности.

Элай не мог вымолвить ни слова. Его худшие опасения сбывались. Эта девушка – не случайность. Сейчас Великая Мать потребует с него плату за спасение...

– Еще вчера я узнала, что вы собираетесь к Порогам на

рыбалку. И я решила, что это прекрасное место для разговора без свидетелей, – продолжала Ийен, приветливо глядя в глаза Элаю.

– Еще вчера? – переспросил Элай.

Это «вчера» немного успокоило его. Вчера он еще и не думал взывать к Тайа-Ароан. Вчера наставник учил его истории и высшему счету, потом они с Вадой дулись в кости...

– Да, вчера вечером. А сегодня утром я уже ждала вас здесь.

– Это хорошо, что ждала, – сказал Элай с вымученной улыбкой. – А зачем? Что ты, собственно, хотела мне сказать?

Улыбнувшись одними губами, Ийен безмолвно приблизилась к Элаю, обвила шею юноши руками и ее уста прильнули к его недоуменным устам, склоняя к долгому поцелую.

– Люби меня и это будет ответом, – шепнула Ийен.

5

«Надо же как неожиданно. Она что, шлюха? Но какая, Хуммер ее раздери, хорошенькая! У них на Севере что, все такие?» – недоумевал Элай, когда последний страстный вздох слетел с его горячих губ и Ийен положила голову ему грудь.

– Я знала, что будет так, – сказала Ийен.

– Так это и был тот самый разговор, ради которого ты проторчала на берегу так долго? – спросил Элай, вяло поглажи-

вая золотую головку девушки.

– Это было только его начало.

– Может, тогда продолжим? – Элай требовательно положил руку на грудь Ийен. – Мне многое нужно тебе сказать...

– Постой, Элай. Не будь таким нетерпеливым! – хохотнула Ийен, мягко отводя руку юноши.

– Почему нет? Знаешь, Ийен, ты очень красивая. У меня таких раньше не было. И я снова хочу тебя, – настаивал Элай.

– Есть женщины, по сравнению с которыми я дурнушка.

– Не говори ерунды, Ийен!

– Ты мне не веришь?

– Конечно, нет! Что ты думаешь, я баб не видел? Иди ко мне, моя сладкая. Не будь упрямой. А потом мы поедем в Орин и мой отец даст тебе кучу денег. А? Нравится? Ну иди же, давай, у меня внутри все горит...

– Постой, Элай! – строго сказала Ийен. – Перед тем как мы сделаем это снова, взгляни-ка вот сюда, – и с этими словами она протянула Элаю бронзовое зеркало.

В досаде закусив губу, Элай приподнялся, принял зеркало и нехотя положил его себе на колени.

Бронзовое зеркало никак нельзя было назвать диковиной. Он, сын гиазира свела, мог вымостить такими путь из трапезной в свою опочивальню. Элай с трудом скрыл свое разочарование.

– Ну зеркало. И что с того?

– Взгляни в него. Не бойся.

Элаю стоило многих трудов скрыть раздражение. «Ну чего она прицепилась, да еще так некстати! Неужто думает, что я рожи своей никогда не видел?»

Но своей рожи в зеркале Элай не увидел. Из зеркала на него смотрела женщина.

Назвать ее красивой значило бы не сказать о ней ничего. Ее бездонные черные глаза лучились неведомой силой, губы сулили блаженство, ее дивные волосы были серебристыми, словно мех песка, а шея тонка и сильна, словно лебединая. Весь облик женщины был проникнут изяществом и напоен волшебством. Элай готов был поклясться: смертные женщины не бывают такими... такими... зовущими и одновременно недостижимыми.

Густые черные брови женщины были сомкнуты над переносицей. С ее губ слетали слова, которых ни Элай, ни Ийен слышать не могли.

О да, похоже, женщина была в гневе. Она говорила с кем-то, кого зеркало отражать не желало. Может быть, она даже устраивала кому-то выволочку.

На щеках красавицы играл румянец. Ее волосы ласкал ветер. «Может быть, она сейчас стоит на пристани? Или на палубе корабля?» – предположил Элай. А сластолюбивая часть его души уже нашептывала, какое это счастье – овладеть такой женщиной на балконе, глядящем на море. Элай никогда не видел моря, но почувствовал: незнакомка из зеркала и море как-то между собой связаны.

Женщина из зеркала неожиданно улыбнулась. Не Элаю, нет. Но Элай, в сердце которого уже набирало силу неутолимое желание, убедился: в радости женщина из зеркала столь же совершенна, сколь и в гневе.

Элай застыл в молчании. Он был не в силах оторваться от явленной зеркалом картины. Он не помнил толком, сколь долго любовался лицом небожительницы с серебристыми волосами. Быть может, мгновение, быть может, час. И даже смешливая Ийен не тревожила его, оставив наедине со своими грезами.

А когда Элай наконец отложил зеркало и обратил на Ийен взгляд, исполненный тоски и вожделения, она тихо сказала ему:

– Она ждет тебя в Наг-Нараоне.

– Где это, Ийен?

– Может, ты еще и где Синий Алустрал не знаешь?

6

Страсть к Ийен умерла в нем так же внезапно, как и появилось.

Ийен спрятала колдовское зеркало в походную суму, и Элай признался себе, что пресытился. Теперь Ийен не вызывала в нем желания и даже не казалась красивой. «Если та, из зеркала, „красивая“, то Ийен просто выдра какая-то», – разочарованно вздохнул Элай.

Прощание вышло прохладным.

Правда, Ийен несколько не расстраивалась по этому поводу. Если бы Элай был повнимательнее, он бы смог даже заметить на лице девушки улыбку удовлетворения. Так улыбаются торговцы, не без прибыли сплавившие партию лежалого товара. Но Элай не блистал наблюдательностью. Тем более что мысленно он уже был дома и потчевал рассказом об ужасном происшествии родителей.

Когда они вышли на дорогу, Элай купил лошадь у первого попавшегося на глаза всадника.

– Ну что, приглашаю тебя, стало быть, в гости. Я ведь сын свела. Принимать тебя будем по-царски.

– Это лишнее, – отмахнулась Ийен. – У меня дела.

«Странная она все-таки девушка. И от денег отказалась, и в гости не хочет», – пожал плечами Элай. Но настаивать не стал. С тех пор как он увидел женщину из зеркала, общество Ийен его тяготило.

– Ну тогда прощай. Спасибо тебе, Ийен, за все. Я буду вспоминать тебя. Честно, – сказал Элай, старательно изображая проникновенность.

– Хочешь – вспоминай, не хочешь – не надо, – ухмыльнулась Ийен и, даже не удостоив Элая прощального поцелуя, ускакала.

Не жалея клячу, Элай скакал во весь опор. Сердце его бешено колотилось. И немудрено! Ведь за этот день на его долю выпало столько приключений, сколько с лихвой хватило

бы на иную нескучную неделю. И то подумать: потерять товарища, едва уцелеть самому, повстречать красавицу вольных нравов, познать ее благосклонность и, наконец, увидеть женщину, единственно достойную поклонения и любви!

Нет, он не станет выкладывать родителям правду о своей любвеобильной спасительнице. И, уж конечно, умолчит о женщине из зеркала. Чего доброго, отец поднимет на смех его идею повидать Синий Алустрал!

Наконец взмыленная кляча была поручена заботам конюха, о мести которому Элай теперь и не вспоминал, а сам он помчался по лестнице, ведущей в библиотеку, пропуская зараз по три ступени.

– ...и девушки связывают себе колени шелковым поясом перед тем, как принять яд. – Это рокочущий бас отца.

– Дорогой, я не совсем поняла, зачем? Зачем они связывают колени? – Это грудной голос матери.

Элай остановился у приоткрытой двери в библиотеку, чтобы перевести дух. Он хотел предстать перед родителями опечаленным и суровым. То есть таким, каким положено быть мужчине, оставившему за спиной опасность, видевшему смерть друга. Да и подслушать разговор родителей – всего минуту-другую – он тоже не возражал. В конце концов, просто интересно, зачем эти девушки завязывают себе колени перед тем, как наглотаться яду. Когда он услышит зачем, он постучит в дверь и все такое прочее.

Он расскажет им все по порядку. Что надо – утаит, что

надо – приукрасит.

Он будет героем дня.

Потом мать поохает, а отец, задумчиво перебирая четки, будет задавать ему дурацкие вопросы. Когда тема его чудесного спасения будет высосана, словно фляжка доброго гортело, он, Элай, воспользовавшись всеобщей растерянностью, спросит у отца дозволения посетить Синий Алустрал. Ему совершенно необходимо съездить туда. Во-первых, чтобы развеяться. А во-вторых? Ясное дело, чтобы поучиться у легендарного Герфегеста Конгетлара боевым искусствам Синего Алустрала...

Элай спрятал довольную улыбку. Что-то подсказывало ему, что отец не откажет.

Глава 3

Госпожа Хармана

1

«Наг-Нараон – исконная вотчина Гамелинов, и мне не ведомо прошлое, в котором это было бы не так. И лишь теперь, после Исхода Времен, Наг-Нараона нет больше, как нет и могущественного Дома Гамелинов.

Я был в Наг-Нараоне один раз за всю свою долгую жизнь и должен искренне признаться – искренне, ибо никто не стоит за моим плечом и никому не отвратить больше меня от правды, – что не видел среди всех крепостей мира более угрюмого и тяжеловесного сооружения. За исключением, пожалуй, Варнагской цитадели Октанга Урайна.

Наг-Нараон открылся моему взору беспокойным осенним вечером и походил на огромный каменный корабль, рассекающий волны в преддверии своего рокового конца. Тогда, впрочем, сердца наши наполнились ликованием и ничто не предвещало дурного.

На «Молоте Хуммера» – исполинском детище моего несчастного Брата по Слову – в тот день собралось, полагаю, самое невероятное общество за всю историю Круга Земель.

Я, Элиен, сын Тремгора, Звезднорожденный.

Сиятельный князь Варана Шет окс Лагин, Звезднорожденный, мой Брат по Слову, чье тело долгие годы служило обителью для темной воли Октанга Урайна, третьего Звезднорожденного, о котором после.

Герфегест, Последний из Конгетларов и новый Хозяин Дома Гамелинов, мой Брат по Крови.

Хармана, его великолепная подруга, столь же блистательная, сколь и бессердечная.

Торвент, сын императора Лана Красного Панциря, которому судьбой было назначено наследовать власть над Синим Алустралом.

Горхла, темный карлик, о котором я по сей час не могу сказать ничего – ни доброго, ни дурного, ибо мои друзья видели от него и первого, и второго в избытке.

Гаасса окс Тамай, варанский флотоводец, влюбленный в войну и власть более, чем сам Эррихпа Древний.

Не сомневаюсь в том, что все они изменились».

Элиен, сын Тремгора. «Исход Времен»

2

– Эти широкие наконечники – самое странное из того, что я видел в пути, – засмутился Элай.

В обществе Герфегеста, Хозяина Дома Гамелинов, Элай

чувствовал себя неуютно. Ему не нравилось, что на него смотрят так пристально. Более того, наставник учил его, что рассматривать собеседника во время разговора – неприлично.

«Впрочем, в Алустрале все по-другому. Отец был совершенно прав».

– Что за широкие наконечники, Элай? – дружелюбно спросил Герфегест, от которого не укрылось смущение гостя.

– Когда мы вышли из гавани, какие-то прохвосты попытались захватить наш корабль... Они походили на вольных торговцев, но капитана было не обмануть.

– И что капитан?

– Когда он увидел идущий на сближение корабль, он приказал доставить «Толстую Тай». Я, конечно, не понял, о чем это он. Но потом я увидел эти самые стрелы с широкими наконечниками. Тогда я еще подумал: ну кого можно убить такой летающей лопатой?

Герфегест Конгетлар понимающе усмехнулся.

– Матросы натянули луки, стрелы полетели в цель. Вскоре я понял – без этих летающих лопат дела наши были бы плохи. Первые же стрелы, достигшие чужого корабля, перебили веревки, удерживавшие косой парус. Другие изорвали в клочья парус на корме. Пиратское судно было маленьким и гребцов на нем не было. А вернее, все гребцы были заодно с пиратами и готовились взять нас на abordаж, нахально про-

хаживаясь по палубе. Очень скоро посудина «вольных торговцев» стала неуправляемой и мы перебили этих недоносков из обычных луков...

– А что было потом? – где-то за спиной Элая зазвучал хрустальный женский голос. Похоже, обладательница хрустального голоса тоже была не прочь принять участие в беседе, причем не дожидаясь, пока Герфегест возьмет на себя труд представить ее гостю.

Влекомый любопытством, Элай обернулся.

Он прибыл в Алустрал вовсе не затем, чтобы совершенствоваться во владении «волчьими зубами» или «железным лотосом», хотя именно в этом он убеждал свою мать. И уж совсем не затем, чтобы глазеть на алустральские порядки, как это представлялось его мудрому, даже, пожалуй, слишком мудрому отцу.

В глубине души Элаю было плевать и на Герфегеста Конгетлара, которого ему полагалось звать дядей, и на Путь Ветра, которым следовал тот.

Элай не собирался брать у него уроки – от уроков его тошнило еще в Орине.

Ему, Элаю, нужна была женщина. Женщина из бронзового зеркала.

А потому, с той самой минуты как он прошел через Врата Хуммера, Элай пристально вглядывался в случайные женские лица – быть может, он встретит ее гораздо раньше, чем попадет в Наг-Нараон? Увы. Все встреченные им женщины

оказывались либо женами рыбаков, либо женами крестьян, либо невесть чьими еще женами, Хуммер их всех пожри!

Лицо вошедшей было укрыто целомудренным флером и Элай не успел рассмотреть незнакомку. «Хуммер пожри эту алустральскую „скромность“!» – в сердцах выругался Элай.

Однако Элай не желал показаться дяде невежественным. После недолгой заминки он был вынужден продолжить.

– Что было потом? Потом мы потопили корабль этих разбойников. К сожалению, больше ничего интересного не происходило аж до самого Наг-Нараона, – соврал Элай.

«Интересного» действительно было мало. Всю дорогу от Калладира до Наг-Нараона Элая мучила морская болезнь. Его кожа позеленела, словно бы заплесневела. Рвота мучила его беспрестанно, а голова была налита свинцом. В общем, морское путешествие так измотало Элая, что, когда на горизонте показались башни Наг-Нараона, он думал только об одном: как бы поскорее добраться до спальни, где пол не ходит под ногами ходуном. Такой была правда. Но разве нужна такая правда просвещенным дамам?!

– Познакомься, милая. Это – Элай, сын Элиена и Гаэт, – сказал Герфегест.

Вопреки ожиданиям Элая он был представлен вошедшей женщине первым.

«Значит, она не дочь и не служанка. Выходит, сестра? Но разве у Герфегеста есть сестры?»

– Я – Хармана, Хозяйка Дома Гамелинов. Рада видеть те-

бя, Элай, гостем Наг-Нараона, – представилась женщина и откинула вуаль с лица.

– Да благословится прах под твоими стопами... – Элай пробубнил начало формулы, которую не без труда вдолбил в его голову наставник перед самым отъездом, но волнение не позволило ему окончить, – и потому, Хозяйка... Хозяйка... Дома Гамелинов...

Перед Элаем стояла женщина из бронзового зеркала.

– Не нужно так волноваться, Элай. Добро пожаловать! – тепло сказала Хармана и подалась вперед. Ее нежная шелковая щека дотронулась до щеки Элая. Так приветствуют друг друга родственники под небом Синего Алустрала.

3

Игрища Альбатросов. Вот о чем успел напрочь забыть Элай, с тех пор как покинул Орин.

«Я мечтаю видеть Игрища Альбатросов!» – говорил он отцу.

«Это самое желанное зрелище для молодого воина!» – говорил он наставнику.

Но до Игрищ ли было Элаю теперь, когда в Хозяйке Дома Гамелинов он узнал женщину, страстное желание обладать которой и приволокло его в Наг-Нараон?

С тех пор как Элай узнал, что незнакомку зовут Хармана, он думал только о ней. Любовь и совокупление, совокуп-

ление и любовь. Между этими двумя точками курсировала беспокойная мысль наследника оринского престола.

Он думал о невозможной красоте Харманы и о невозможности любви. Невозможности? Отчего «невозможности»? И об этом он тоже думал.

Через три дня нерадостных раздумий, которые Элай безвылазно провел в отведенных ему покоях, он додумался едва ли не до отъезда. «Так можно и с ума сойти», – решил Элай, когда в нем ненадолго проснулось благоразумие.

Но когда Герфегест предложил Элаю присоединиться к Гамелинам, разминающим кости перед грядущей чередой поединков, он решил согласиться. «В крайнем случае уехать всегда можно», – решил Элай.

– Сейчас посмотрим, чему научил тебя отец. Впрочем, если ты владеешь Наречием Перевоплощений и умеешь высекать из пальца молнии, то тебе среди моих простецов делать нечего, – подтрунивал над Элаем Герфегест, когда они взбирались на холм, где происходили бои.

Элай рассеянно кивнул. Он понятия не имел, что такое Наречие Перевоплощений.

В присутствии Герфегеста он чувствовал себя скованно и неловко. Больше всего Элай опасался, что любовная горячка, в которую он впал вследствие знакомства с госпожой Харманой, не укрылась от глаз его пронизательного дяди.

Но Герфегест был сама любезность. Даже ревность не мешала Элаю признать: Хозяин Гамелинов остроумен, внима-

телен, ненавязчив.

«Уж лучше бы он оказался хамом и скотиной», – в отчаянии сознался себе Элай.

4

Волею жребия противником Элая оказался здоровенный детина, значительно превосходящий его и сложением, и ростом.

Герфегест, наблюдавший за происходящим, сидя в густой тени дзельквы, сделал Элаю ободряющий жест. Мол, не в мускулах дело, как-нибудь справишься. Несколько праздных зрительниц нервно захихикали, ожидая быстрой расправы над смазливой юношей.

«Тренируются, как и мы, чтобы получше хихикалось на завтрашних Игрищах», – подумал Элай и вошел вслед за своим быковатым партнером в центр круга.

Жидкая подкова зрителей деловито сомкнулась и поединок начался.

В отличие от седого грамматика, обучавшего Элая основам стихосложения, риторике и истории Круга Земель, его наставник по фехтованию и кулачному бою не позволял себе быть с Элаем понимающим и снисходительным.

Это не раз сослужило Элаю хорошую службу еще в Орине – шататься инкогнито по притонам сын Звезднорожденного Элиена любил почти так же, как совокупляться и выпивать.

Пригодилось учение и в Наг-Нараоне.

В одно мгновение Элай определил, что прямолинейный напор и ставка на силу в его положении – проигрышная тактика. Элай знал: ходячей горе мяса можно противопоставить только сверхподвижность и продуманный каскад подлых приемов, где каждое движение приближает и приуготовляет последующее, а для непродуманных «открывающих» ударов нет, да и не может быть места. «Один его удар-„крюк“ – и прощай госпожа Хармана. А мой „крюк“ ему как комар за брюхо укусил. Выходит, „бражник, облетающий цветок“ – это как раз то, что нужно», – промелькнуло в мозгу у Элая.

Элай вертко двигался вокруг противника, демонстрируя свою готовность защищаться в любом положении и походя атаковать. На самом деле и защиты, и атаки были призваны всего лишь замаскировать ожидание ошибки врага, ожидание удобного момента, когда можно будет безнаказанно нанести болевой удар в одну из «особых точек слабости». По этой части Элай был докой: «Зачем уметь все, когда нужно уметь самое действенное?»

Элай рассудил верно: его подвижность и врожденная гибкость то и дело ставили супротивника в положение, совершенно непригодное для атаки. Попробуй-ка ударить кулаком вьющегося мотылька! Во время очередной попытки провести скользящий «крюк» воин неловко раскрылся и Элай наконец ударил.

Противник крякнул и грузно отскочил, вдобавок еще и

неловко оступившись. Еще мгновение – и за свою неловкость детина поплатился сломленной защитой. Носком правой ноги Элай нанес ему два удара: в правое колено, чуть ниже коленной чашечки, и в живот, на три пальца ниже сердца.

Боец взвыл от боли. Элай ликовал. Впрочем, преимущество, которое получил Элай, было тут же компенсировано ответным обманным выпадом противника, быстро совладавшего со своими эмоциями. Тут уже и сам Элай, окрыленный быстрой удачей, едва удержался на ногах.

Зрители молчали, напряженно наблюдая за ходом боя. Даже девушки, укутанные в облака черного газа, перестали лущить свои сладкие орехи. Да и противник Элая, поначалу такой вальяжный и невозмутимый, теперь, казалось, занервничал.

Боец, с которым жребий свел Элая, следовал Путем Стали с самого своего рождения. Он не знал других Путей, ибо, как и всякий Гамелин, был прямодушен и презирал чужое.

Элай воспитывался иначе. Сармонтазара не знала Путей и мало смыслила в презрении. Каждый брал от боевых искусств соседних народов, враждебных кланов и наемных учителей все, что было ему по вкусу. А потому даже Элай на своем недолгом веку успел освоить немало чужих хитростей. И хотя его противник был силен, Элай понимал: не будь он настолько тяжелее его, лежать бы ему давно опрокинутым на спину.

Элай продолжал кружить взад-вперед еще некоторое вре-

мя, пока его противник не решился на смену стиля. Он неожиданно присел на корточки и, опершись на выставленные за спину руки, ловко выбросил ноги вперед, целя Элаю в пах.

Мимо. Разумеется, мимо. Там, где мгновение назад был Элай, теперь была лишь его тень.

«Кто учил его лягаться? Не иначе как выучный осел», – самодовольно усмехнулся Элай. Увы, он не заметил, что во время этого топорного маневра его противник исхитрился подобрать с земли увесистый голыш.

Кое-кто из зрителей заметил это, но поднимать шум не спешил. Чего ради? Ведь Элай был всего лишь чужаком, обласканным гостеприимным Хозяином Дома. А вот его дюжий противник, опытный вояка, дослужившийся до сотника еще во время захвата столицы, слыл компанейским выпивохой и балагуром, словом – большим авторитетом в Наг-Нараоне.

Удар слева. Еще удар. Жесткая защита. Левая рука Элая парирует удар, направленный в печень. Элай пытается продолжить движение на отход, но... его правая рука уже не в силах сдержать новой атаки противника и безвольно опускается.

Кулачище сотника тараном врезалось в правую скулу Элая...

– Ох-х-х!

– Мамочки!

– Это ж надо-то!

Среди зевак идет неодобрительный ропот.

Зрительницы подхватываются с сидений.

Герфегест в досаде хлопает себя ладонью по колену и тоже встает.

...Элай все еще отчаянно пытается удержать равновесие...

«Победа – это равновесие. Жизнь – это равновесие. Смерть – это когда равновесие разрушается», – внушал Элаю наставник, гневно сверкая глазами.

Элай медленно переносит вес тела с правой ноги на левую, пытается правильно провести перекат со стопы на пятку, но тщетно. Тяжеленный кулак врежется в его грудь снова.

– На этот раз не встанет, голуба, – шепчет кто-то.

Зрители сочувственно кивают. Мол, как бы там ни было, но ведь судьба, что вы хотите, судьба.

5

Элай пришел в себя не скоро.

Голова гудела, в ушах шипели голодные аспиды, губы склеило кровью.

Элай осторожно приоткрыл глаза.

Его затылок покоился на кожаном валике для сидения, который участливо поднесла пострадавшему одна сердобольная дама из свиты госпожи Харманы. Ее служанка брызгала

в лицо Элаю водой из серебряной фляжки.

– Какой красавчик!

– И глаза такие ясные-ясные!

– Синяки на лице – это ничего. Главное-то у мужчины пониже будет!

– Но кровящи-то сколько натекло!

– Этот здоровый – просто изверг, я не знаю! Эдак на Игрищах нам и выставить-то некого будет – загодя друг дружку перекалечат!

Дамы кокетливо охали, щекоча босые ноги Элая шелковыми подолами своих платьев. Девушки помоложе молчали, пытливо всматриваясь в лицо страдальца.

Там, где только что отлупили Элая, теперь сцепилась другая пара. Похоже, судьба Элая никого, кроме дам, особенно не интересовала.

«Привыкшие, видать, к таким раскладам», – сообразил Элай.

Он поискал глазами Герфегеста. Но Герфегеста не увидел.

Зато Элай увидел нечто лучшее, в тысячу крат лучшее. Он увидел госпожу Харману. На глаза Элая навернулись немужественные слезы.

Хотя движения Харманы были легки и быстры, выглядела она встревоженной, если не озабоченной. Элай присмотрелся. Кажется, Хармана торопилась... к нему. Именно к нему!

Теперь на ней не было черной вуали. Волшебные серебряные волосы вольно развевались на ветру, как тогда, в зерка-

ле. Хармана почти бежала, подобрав обеими руками юбки из тончайшего черно-синего шелка. Глаза Хозяйки Гамелинов показались Элаю грустными. Но даже ему, самонадеянному фантазеру, не хватило дерзости заподозрить, что это его позорный обморок вывел госпожу из душевного равновесия.

– В добром ли здравии сын Элиена и Гаэт? – поинтересовалась Хармана, участливо положив руку на лоб обезумевшего от счастья Элая.

Он прочистил горло. «Нужно что-то сказать. Нужно как-то намекнуть ей. Нужно... Сейчас или никогда».

– М-м-м... умоляю... зовите меня Элаем, госпожа, ведь я так люблю вас... – брякнул Элай и, тут же испугавшись собственной смелости, добавил: – ... Чистой любовью кровника...

– Элаем? Конечно! Конечно, я буду звать тебя Элаем. Ведь я тоже люблю тебя, – светозарно улыбнулась Хармана.

То, что она сделала потом, не укладывалось в тесные рамки приличий, вдолбленные в голову Элая наставником по Праву Народов и этикету.

Хармана изящно склонилась над распростертым Элаем, убрала потную прядь с его правильного лба молодого повесы и... поцеловала его потрескавшиеся, залепленные спекшейся кровью губы. Поцеловала вдумчиво и, как показалось Элаю, довольно бесстыдно. Она сделала это на глазах у всех, кто стоял рядом, но во взгляде Хозяйки Гамелинов не было смущения.

«Мамочки! Что со мной теперь будет? Что теперь будет с нами?» – спросил себя Элай, пьяный смертоносным вином, настоящим на страхе и желании, и закрыл глаза.

Элай был человеком Сармонтазары. Он не знал, что именно так – и никак иначе – выражают друг другу глубокое сочувствие близкие родственники под небом Синего Алустрала.

6

Занудливо гнусило над ухом комарье, Элаю не спалось.

Он думал о Хармане и о той поэме, которую посвятил бы ей, если б был способен увидеть разницу между амфибрахимом и хореем. О позорно проигранном поединке, о сожранном рыбами Ваде. Об исполненном достоинства Герфегесте Конгетларе и о своем державном отце, похожем на Герфегеста с точностью до чувства юмора. О златокудрой соблазнительнице Ийен, самой ухватистой женщине без твердых моральных устоев из всех, кем ему довелось обладать.

«Может, и сейчас одна такая бойкая девчонка мне не помешала бы – для успокоения нервов? Где у них тут в Наг-Нараоне, интересно, водятся дорогие шляхи?» – размышлял Элай, возбужденный волной приятных воспоминаний о Ийен. Впрочем, когда волна схлынула, он признался себе, что, пожалуй, не смог бы заняться сейчас любовью даже с госпожой Харманой – таким разбитым и никчемным он себя чув-

ствовал.

Масляный светильник, выполненный в форме хрустального лебедя, щиплющего себя за хвост, чадил на ажурном столике у его низкого ложа.

Он не затушит его, нет. С тех пор как заводь близ Порогов едва не стала ему могилой, Элай не любил темноту, если не сказать сильнее – он начал ее бояться. С того дня, как сын Элиена впервые заглянул в глаза мировой ночи, вынудившей его воззвать к Тайа-Ароан, он страшился, что опять произойдет нечто, чему будет по силам заставить его вспомнить о Великой Матери вновь.

Чтобы рассеять дурные мысли, Элай начал вспоминать женщин, которых любил. Он думал о курносых девочках с обгрызенными ногтями, дочках малоимущих отцов – эти были готовы слюбиться с Элаем за горсть конфет. О пышногрудых искусницах из гостевых покоев оринского дворца – эти обслуживали Элая бесплатно. Он вспоминал о чужих женах и сестрах. Лучшие часы последних двух лет он посвятил их осторожным телам. Наконец, он мечтал о том, что произойдет, если госпожа Хармана...

Скрипнула входная дверь.

Элай вздрогнул всем телом – ведь дверь он запирал собственноручно!

Да-да, он запер ее сразу после возвращения со скудного по гедонистическим оринским меркам ужина, где немногословные и до безобразия сдержанные алустральские вояки

из клана Гамелинов обсуждали политическую обстановку, которая-де накаляется. И витиевато, чтобы ненароком не задеть чью-то вечно зудящую честь, распекали друг друга за просчеты в организации того или иного из многочисленных увеселений, запланированных на Игрищах Альбатросов.

Дверь снова скрипнула. Наемный убийца?

Усталости как не бывало.

Элай вскочил с ложа и выхватил из ножен кинжал. Стараюсь ступать бесшумно, он направился к двери. Притаившись за складчатой портьерой из тяжелого шелка, отделяющей опочивальню от гостиной, куда вела входная дверь, Элай прислушался. Вроде бы тихие шлепки человеческих шагов. Или показалось?

Внезапно две холодные руки опустились сзади на его жилистые плечи. «Значит, их двое?» – промелькнуло в голове у Элая. Он несмело обернулся, предпринимая вялую попытку высвободиться.

– Тс-с, – сказала Хармана, со значением приложив палец к губам.

– Мы не одни здесь, моя госпожа! – прошептал Элай. – Только что я слышал шаги...

– Мы одни в целом мире, глупыш. Здесь нет никого. Только я и ты, – вкрадчиво сказала Хармана и ее уста надолго соединились с устами Элая.

Шнуровка, стягивающая лиф платья Хозяйки Гамелинов, расшитого черными лебедями, многообещающе затре-

щала под напором страстных ласк ошпаренного неожиданным счастьем Элая.

Первобытное, всеиспепеляющее желание, ливнем обрушившееся на него, лишило Элая остатков самообладания и хороших манер. К Хуммеру в пасть эти манеры вместе с мамой, папой, Ийен и Герфегестом! Он возьмет ее, не раздумывая и не медля. Думать, по мнению Элая, в подобных ситуациях было незачем.

«Ийен не солгала», – одними губами произнес Элай, когда его тело и тело Хозяйки Гамелинов стали одним.

Да, небожительница из бронзового зеркала принадлежала ему теперь, как принадлежала бы распутная простушка из придорожного трактира. Но только... «Но только уста Харманы – пряные и горячие. А уста шлюх холодны и имеют вкус старости», – подумал Элай.

Он все же потушил масляный светильник. Теперь трусить было поздно. Неизведанные, чуждые женщинам Сармонтазары ласки госпожи Харманы были такими обжигающими, а наслаждение, что забирало его волнами, было таким острым, что он понял: за меру колдовского экстаза, каким отзывалось его существо на любовь Хозяйки Гамелинов, ему придется заплатить всем, что он имеет. Ибо наставник учил его: «Ничего не дается нам даром».

Пройдет меньше года, и Элай сполна оплатит Алустралу каждый миг своего наслаждения.

Глава 4

Игрища альбатросов

1

– Что может быть глупее ристалищ под небом Синего Алустрала? – проворковала Син, шаловливо прикоснувшись кончиком языка к мочке уха Тай-Кевра.

– Глупее ристалищ под небом Синего Алустрала могут быть только другие обычаи Гамелинов, – мрачно отозвался Тай-Кевр.

Глава Дома Пелнов по-хозяйски положил руку на талию Син и нахмурился. Ему нравилось общество Син, но даже она была не в силах унять его тревогу.

Тай-Кевр и Син стояли на мостике флагмана Дома Пелнов, месяц назад переименованного из «Грозы Западного моря» в «Память Лорнуома».

«Память Лорнуома» – зловещее имя. Назвать корабль так – это все равно что назвать его «Смерть Гамелинам».

Впрочем, на такую мелочь, как переименование чужого корабля, на Игрищах Альбатросов, где никто не страдает от недостатка впечатлений, едва ли кто-нибудь обратит внимание. Тем более что и новое, и старое названия были выпол-

нены тайнописью Дома Пелнов. Лишь Сильнейшие Пелнов знали, что означают эти загадочные символы.

Тай-Кевр был поглощен созерцанием прозрачных предутренних далей, в интригующей глубине которых таились Игольчатая Башня и наг-нараонская крепость, Герфегест и Хармана, файеланты Гамелинов и суда прочих Домов. Будущее.

«Память Лорнуома» и еще два файеланта Пелнов приближались к столице Гамелинов строго с юга. А на сто лиг юго-восточнее, по-воровски прижимаясь к безлюдному Поясу Усопших, сообразуясь с показаниями магических Перстов Севера и точнейшими расчетами искусных кормчих, на исходные позиции выдвигался боевой флот Пелнов в полном составе. Через четыре часа ему предстоял поворот строго на запад. Потом – еще два часа хода и остановка. Об этом не знал и не должен был знать никто. Такова была воля Тай-Кевра. Таков был совет Син, всеведущей Син.

Тай-Кевр не хотел сознаваться себе в том, что эта странная дива, исчадие Пояса Усопших, за последние ночи измотала его почище, чем смогли бы это сделать десять самых разнузданных портовых шлюх Рема Великолепного, посаженных на голодный паек целомудрия, а затем выпущенных на волю под залог образцового поведения. И только в эту ночь Син сама отказалась от продолжения любовных утех. «Не всякому воину полезно делать любовь перед сражением», – объяснила она.

Син. Он до сих пор не решил, что подарит ей – жизнь или смерть.

Подарить Син смерть было гораздо проще. Когда она наедет ему, а это, судя по всему, случится очень и очень скоро, ему нужно будет лишь послать за палачом. С жизнью было сложнее. Если он подарит ей жизнь, то, пожалуй, уже послезавтра будет кончать кровью.

Впрочем, жить или умереть Син в конечном итоге решал отнюдь не Тай-Кевр. Это решали обстоятельства. Все зависело от того, что увидит он, Хозяин Пелнов, в Наг-Нараоне. От того, солгала ли ему Син, когда рассказывала о магических свойствах Лона Игольчатой Башни и расположении флота Гамелинов.

«Если не солгала – я подарю ей жизнь. Гибель Гамелинов стоит того, чтобы одна девка, которую, конечно, лучше бы сжечь, зажила на земле чуть дольше, чем положено», – вот о чем думал Тай-Кевр, напряженно вслушиваясь в рокот пенной стихии, что забавлялась трехъярусной тушей «Памяти Лорнуома».

«В крайнем случае отошлю ее на время из Лорка, если будет невмоготу», – пронеслось на задворках сознания Тай-Кевра.

Ему очень хотелось, чтобы предсказания Син, которые та шептала ему, переводя дух после ожесточенных соитий, оказались истинными. Чтобы его план, который уже успел созреть и утвердиться во всех своих изощренных деталях, об-

ратился явью. Гибелью Гамелинов. Разрушением Наг-Нараона. Местью. Истинным торжеством Пелнов во имя памяти Лорнуома и его родичей – Шаль-Кевра и Глорамта.

– Вижу Наг-Нараон! – радостно прокричал впередсмотрящий.

Черной рисклой была процарапана на сером предутреннем небе Игольчатая Башня.

Тай-Кевр пожал плечами – впередсмотрящий мог бы и не кричать. Ожидать роковых решений судьбы теперь оставалось каких-то четыре часа. Увы, от этого ожидание становилось лишь напряженнее. «К Хуммеру ожидание! Надо поспать – пустые вопросы можно будет задавать себе и завтра».

– Разбудить на входе в наг-нараонскую гавань, – с трудом сдерживая зевок, бросил Тай-Кевр вестовому и зашагал в свою каюту, оставив Син скучать на мостике. Насколько он успел изучить ее повадки, она никогда не спала. Даже не притворялась спящей.

2

– Хозяин! Хозяин! Пора вставать! – Продолжительные деликатничанья не привели к желанному результату и вестовой изо всех сил тряхнул Тай-Кевра за плечо.

– А не пошел бы ты Хуммеру срам сосать... – захрипел было спросонья Тай-Кевр, но, продрвав глаза, в которых неспешно проступало осмысленное выражение, замолчал. –

А, это ты... Спасибо, что все-таки добудился.

– Рад стараться! – Вестовой приложил кулак к груди – туда, где сердце. Точнее, не к груди, а на пол-ладони от груди – как того требовали морские традиции Пелнов.

Тай-Кевр не стал задавать вестовому вопросов вроде «Ну как?» или «Что там флот Гамелинов?». Он просто оделся, перепоясался мечом, набросил на плечи шерстяной плащ и поспешил на палубу.

Уже рассвело, но солнце еще пряталось где-то за наг-нараонскими скалами, окружавшими бухту с трех сторон. Син неподвижным изваянием застыла на мостике. Казалось, с момента ухода Тай-Кевра она вообще не сменила позы. «Как ящерица», – подумал Хозяин Дома Пелнов.

Файеланты Пелнов неспешно проходили мимо Лысого Мыса. Еще мгновение – и с мостика откроется вид на Миноговую Бухту Наг-Нараона. Еще мгновение...

Да! – Тай-Кевр не сдержался и изо всей силы ударил раскрытой ладонью по перилам мостика. Да! – восемьдесят файелантов Гамелинов, красавцы, все как один трех- и четырехъярусные исполины, краса и гордость Синего Алустрала, все были здесь. Как ягнята, назначенные к закланию. Как сельди в чану торговки рыбой. Да! – Миноговая Бухта станет их последним пристанищем и их вечным склепом.

Тай-Кевр схватил Син за плечи и повернул лицом к себе. Он целовал ее долго.

Игрища Альбатросов венчают теплое время года так же, как ре-тарский Праздник Тучных Семян венчает конец зимы.

Во время Игрищ Альбатросов не дозволено вершить кровопролитие. Этот запрет нарушался лишь однажды – когда в Синем Алустрале появился варанский флот и Гамелины вели войну с Сиятельным князем и Ганфалой, его слабосильным союзником.

На эти Игрища в Наг-Нараон собрался весь цвет Синего Алустрала. Второй, блеклый цвет, ибо первый был безжалостно унесен ветрами прошлой войны.

Лорчи, Хевры, Эльм-Оры, Орнумхониоры, Ганантахониоры, Гамелины – хозяева Игрищ – и Пелны.

Гордые файеланты – по три от каждого Дома – выстроились вдоль пристани Миноговой Бухты. День, как это обычно случается на Игрища Альбатросов, выдался пронзительно-солнечный.

Игольчатая Башня безжалостно вонзалась в ослепительную синеву неба. Тем, кто находился у ее подножия, казалось поразительным, что легчайшему небесному шелку удастся сохранять цельность над ее острым жалом.

Игольчатой Башне оставалось стоять чуть более пятнадцати часов.

В первых четырех забегах сюрпризов не было. Почтенная публика скучала. Знатнейшие люди кланов и их надушенные спутницы – жены, кузины, любовницы и дочери на выданье – зевали во весь рот без всякого стеснения.

Элай, Хармана и Герфегест, занимавшие самые что ни на есть почетные места под роскошным балдахином, скучали вместе со всеми.

Элай все чаще бросал косые взгляды на Харману. Лицо Хозяйки Дома Гамелинов было непроницаемо, ее взор застыл на финальной беговой черте. Губы ее были плотно сомкнуты. «Невозможно поверить, что еще ночью эти губы были такими услужливыми», – уязвленно подумал Элай.

Над Беговым Кольцом курилась серая осенняя пыль. Частички этой пыли смешивались с запахом духов госпожи Харманы, и запах этот для Элая был сродни безумию. В чре-слах Элая, который все еще был не в силах стряхнуть с себя наваждение минувшей ночи, медленно, но неумолимо подымалась свинцовая волна страсти. Ее не остановить.

Герфегест не смотрел ни на Харману, ни на Элая. Все его внимание было сосредоточено на Тай-Кевре.

Глава Дома Пелнов явился на Игрища последним. Глава Дома Пелнов сдержанно, но, как показалось Герфегесту, вполне искренне засвидетельствовал свое почтение Гамели-

нам и свою радость по поводу того и по поводу этого.

Все три файеланта Пелнов были сравнительно небольшими трехъярусными кораблями и не представляли для Гамелинов ни малейшей угрозы. Но на душе у Хозяина Гамелинов было беспокойно.

Распутного вида женщина, которую привез с собой Тай-Кевр, обернулась и, сделав призывный знак веером, бросила на Герфегеста быстрый испытующий взгляд. Что она хотела сказать? «Давай встретимся сегодня вечером после ужина?» «Я знаю, как доставить удовольствие настоящему воину?» Нет, что-то непохоже.

В пятом забеге участвовали три колесницы. От Хевров, Гамелинов и Пелнов. Сигнальная труба швырнула осеннему солнцу высокую протяжную ноту.

Возничие подхлестнули лошадей. Забег начался.

Полкруга колесницы шли колесо в колесо. Потом возничий Хевров начал отставать. Конечно, какие могут быть лошади у Хевров? Они и так держались слишком долго. То ли дело грютские скакуны Гамелинов – подарок самого Элиена!

Колесница с черными лебедями на гнупом передке из орехового дерева уверенно рванулась вперед. Герфегест хорошо знал возничего – незаконного сына Артагевда от чахоточной белошвейки из Авен-Рамана. Это был бойкий и лживый малый, ни в чем не похожий на своего доблестного отца. Верткий, недалекий и безграмотный, зато прекрасно владеющий спаркой кинжалов и длинным боевым цепом с кожаной пет-

лей для кисти.

Герфегест напрягся, желая возникшему легкой и быстрой победы: во имя погибшего Артагевда, забыть которого Герфегест не мог, как ни старался.

Скачки – нововведение последних лет, занесенное из Сармонтазары восточными ветрами – были алустральскому люду в тягость. Скачки устраивали лишь затем, чтобы не казаться варварами перед лицом гостей из просвещенной Сармонтазары. То ли дело гребные состязания, гонки «морских колесниц» и травля каракатиц! Вот что в два счета ставило на уши знатнейших и их надушенных спутниц!

Треск и гибельное ржание в восемь конских глоток. Восторженный вопль зрителей, чью скуку мгновенно развеял грохот на Беговом Кольце.

Возничий Пелнов швырнул коней вправо, и спустя несколько мгновений обе колесницы, как две падающие звезды, исчезли в вихре обломков, пыльном облаке, мельтешении конских ног.

Отставшая почти на полкруга колесница Хевров звездой-победительницей промчалась мимо. Но это уже никого не волновало.

Все разом вскочили на ноги. И лишь Хармана осталась сидеть. Элай, чьим вниманием невиданное происшествие владело лишь несколько мгновений, помедлил и тоже сел.

Оба возничих выжили. Это стало совершенно ясно, когда в пыли блеснула стальная искорка и в нескольких шагах от

нее – другая.

Надрывалась сигнальная труба, но возниким было не до нее. Сын Артагевда и возникий Пелнов, виновник происшествия, не сговариваясь, выхватили длинные ножи. Их всегда берут с собой на забег опытные колесничие – если надо, можно полоснуть по вожжам. Можно полоснуть и соперника – как, например, сегодня.

Двое, ставших в одно мгновение смертельными врагами, закружили в танце смерти, выставив перед собой клинки. Зрители затаили дыхание.

Труба замолкла – таковы правила. Если возникие решили оспаривать победу в поединке, никто не вправе препятствовать.

Выпад, еще выпад, лязг стали, грамотный отскок назад. Герфегест внимательно следил за сыном Артагевда. «Похоже, малый не на шутку зашиб себе колено. Но держится молодцом, правильно закрылся...»

Глубокий выпад, ометающий удар ногой, гортанный вскрик раненого сына Артагевда.

Хозяин Гамелинов ничем не выдал своего волнения. Но хотя лицо Герфегеста и казалось скучающим, он весь был там – на Беговом Кольце, среди вражды, пота и пыли.

Герфегест видел, что возникий Пелнов мог бы быть мертв уже дважды. Сын Артагевда – трижды. Но пока еще оба были живы. Как вдруг...

«Нет, только не это! Только не это!» Клинок наконец из-

ведал плоти сына Артагевда.

С торжествующим воем возникший Пелнов извлек безжалоостную сталь из тела юноши. Кровь хлынула на землю. Навострили уши разбежавшиеся кони.

Зрители взорвались ревом, в котором смешались одобрение, негодование, жажда кровопролития. Да, десять лет мира – слишком много для Синего Алустрала. Синий Алустрал не любит скучать. К Хуммеру ристалища, если на них никого не убивают...

Тай-Кевр, сидевший тремя рядами ниже, поднялся с места и повернулся к Герфегесту. В его руках был тугой кожаный кошель.

– Вира¹ за твоего возникшего. Для такого размазни тут с лихвой, – с кривой ухмылкой сказал он и швырнул кошель. Тот не долетел до Герфегеста и брякнулся к ногам Элая.

Элай, мгновение поколебавшись, решил не подавать кошель Хозяину Дома Гамелинов. «Лучше не вмешиваться. Знал бы отец, какие порядки у них тут в Алустрале! Убил, заплатил – и все довольны!»

Герфегест поднял кошель сам.

Пристально глядя в глаза ухмыляющемуся Тай-Кевру, он неспешно развязал кошель. Монеты с профилем императора Торвента Мудрого звонко хлынули к его ногам.

– Вира принята, – невозмутимо сказал Герфегест, когда последний золотой, встретившись с носком его сапога,

¹ в древних законах («правдах») – откуп за убийство или членовредительство.

устремился вниз, под скамьи, отягощенные бременем благородных задов Алустрала.

5

«Молотом Хуммера» назывался самый большой корабль из всех, какие когда-либо строили люди Круга Земель. Он был сработан варанскими корабелями и вмещал в себя несколько больше, чем позволяет самое богатое воображение.

Когда Священный Остров Дагаат сгинул в пучине, «Молот Хуммера» оказался единственным кораблем, которому довелось уцелеть. Только благодаря ему спаслись все мы – я, Герфегест, Хармана, Шет окс Лагин.

«Молот Хуммера» доставил нас в Наг-Нараон и сам остался там, в Ледовой Бухте.

Я не раз просил Герфегеста отправить на дно это чудовище. Но Герфегест стоял на своем. «Молот Хуммера» – это единственный трофей, который случилось заполучить Гамелинам в последней войне. Не лишай меня счастья чувствовать себя настоящим победителем!» – говорил он.

Хармана тоже была без ума от плавучего исполина. «Если тебе охота что-нибудь уничтожить, уничтожь лучше Урайна», – говорила она лукаво. И Герфегест, и Хармана были по-своему правы. Мог ли я настаивать?

Почти десять лет «Молот Хуммера» простоял в Ледовой

Бухте – угрюмый, бесполезный. Ни одному мореходу в здравом уме и трезвой памяти не пришло бы в голову попытаться выйти на нем в море. Никто и не пытался».

Элиен, сын Тремгора. «Исход Времен»

6

– Ну что, нашли?

– Да, госпожа, все по твоим словам.

– Отлично! Еще факелов! Чтобы здесь было светло, как в животе у солнца!

– Будет сделано, госпожа!

– Вот, извольте. И еще два.

– Годится. А теперь убирайтесь на вторую палубу! Все!

Син улыбнулась: при свете прояснились кое-какие важные детали. Люди Пелнов прогрохотали по обветшавшим ступеням наверх, оставив Син одну.

Она прикоснулась к позеленевшему кольцу. Холодное.

Резная прямоугольная крышка поднялась на удивление легко. Под ней не было ничего особо примечательного. Ничего, что могло бы привлечь внимание непосвященного.

Син удовлетворенно прикрыла глаза и глубоко вздохнула.

Нужные слова-звуки и слова-знаки вспыхивали в ее надчеловеческом сознании и уходили, всякий раз оставляя после себя возрастающую ясность. Она разлепила сухие губы

и щелкнула языком. Голосовые связки Син вздрогнули и породили первые звуки Истинного Наречия Хуммера.

Слова-звуки грохотали в полную силу, а слова-знаки одно за другим ложились на ровную поверхность потаенной каменной плиты, в недрах которой сотни лет дремали ростки Огненной Травы.

Огненная Трава отозвалась Син. Камень побежал трещинами, и первые алые побеги жадно впились в днище «Молота Хуммера». Снаружи оно было обшито медью, но изнутри отборная, на совесть заклепанная против гниения древесины горного кедра была обнажена.

Огненная Трава лакомилась.

7

«На южной окраине Сармонтазары, между морем и пустыней Легередан, обитает племя ноторов. Ноторы малочисленны, слабы и дики. Им недоступны искусства Севера, они не ведают ни стали, ни сладости письменного слова.

Но Лишенный Значений некогда щедро одарил несчастных, и этот дар в руках ноторов зачастую опаснее харренской панцирной пехоты. Ноторы властны над растущим, недаром зовут их «Повелевающие Травы». Среди диковинных растений, с которыми дружны они, есть и легендарная Огненная Трава, которую многие невежды называют забавным вымыслом.

Просвещенные народы считают зазорным знаться с ноторами, полагая их людьми, не ведающими чести. Но Ок-танг Урайн не был щепетилен. Вот почему «Молот Хуммера» хранил в своем чреве больше, чем могли предположить самые предусмотрительные из нас».

Элиен, сын Тремгора. «Исход Времен»

8

Двести воинов из Дома Пелнов привел с собой Тай-Кевр на Игрища Альбатросов.

Конечно, рядом с вызывающей мощью Гамелинов это не очень-то впечатляло. И Тай-Кевр, и его Сильнейшие прекрасно понимали это.

Восемьдесят отменных файелантов Гамелинов с черными лебедями на тяжелых полотнищах штандартов занимали большую часть Миноговой Бухты. Тяжелых боевых кораблей у зажиточных Гамелинов, в последнее десятилетие утронивших свою казну за счет торговли с Сармонтазарой, было больше, чем у любых двух других Благородных Домов вместе взятых. Дозорные на вершине Игольчатой Башни видели море на тридцать лиг вокруг. Ни один флот не мог застать Гамелинов врасплох.

И все же тридцать четыре файеланта – все, что смог собрать Тай-Кевр в своих владениях – застыли в трепетной

неподвижности в сорока лигах от Наг-Нараона. Раш и Тарен Меченый уже давно скучали на боевой башенке флагманского файеланта «Глорамт Смелый», то и дело поглядывая на подернутый лиловой дымкой северо-западный предел.

Знак должен был прийти оттуда.

Получив его, корабли Пелнов совершат стремительный рывок к Наг-Нараону, не страшась встречи с флотом Гамелинов. Потому что знак, грядущий с северо-запада, будет означать, что флота Гамелинов больше не существует.

9

На пиру, который устраивали для дорогих гостей Гамелины, болтали много и всласть.

– А ведь этот разбойник, возникший Пелнов, еще на повороте возникшего Гамелинов в первый раз ножом пощекотал, мальчишку этого!

– Кто ж не видал-то?!

– Да вот хоть свояк мой, Варр, не видал – он еще на первом забеге того...

– Помер, что ли?

– Да нет, заснул.

– Ну так и говори «заснул». А то – «того»... Чего «того»?

– Как по мне, так без доброй свары и Игрища не Игрища...

– И не говори! Вот бы завтра на гребных состязаниях всем

гребцам да кормчим раздать сельху напололам с Медом Поэзии – глядишь, и растрепали бы борта друг другу таранами...

– И то дело! Какая разница, кто придет первым? Важно, кто кого утопит, я так лично полагаю...

– Глядите-ка, никак госпоже Хармане стало дурно!

– Сказались треволнения долгого дня, милостивые гиазирьы. Я слышал, этот возничий ей кем-то там приходился. Племянником, что ли...

И впрямь, щеки Хозяйки Гамелинов были бледны, а глаза вроде как потускнели от усталости. Госпожа Хармана немногословно извинилась перед гостями, неловко поднялась с резного кресла, опрокинув на скатерть чару, полную душистого розового вина, и вышла вон на заплетающихся ногах.

«Приболела, что ли?» Встревоженный Герфегест хотел было проследовать за нею, но внезапно на другом конце стола поднялся в полный рост Тай-Кевр. Он хотел говорить.

– Хозяину Дома не пристало уходить, не выслушав слов равного себе, – шепнул Герфегесту один из Сильнейших, придерживая его за рукав.

Герфегест взглядом проводил Харману до дверей, снова сел и оглядел стол. Пустовало только два места. Место Харманы и место Элая.

Да, Элай ушел еще до первой здравицы. Сослался на нездоровье и улизнул под тихий ропот пирующих. Уходить, не дождавшись здравиц, по обычаям Алустрала было чем-то средним между верхом неприличия и слабоумной бравадой.

Впрочем, Элай имел право и на неприличие, и на браваду, ибо гостям из Сармонтазары в Синем Алустрале было позволено жить своими законами. Особенно когда гость этот – сын самого Элиена. Другие-то сармонтазарские гости на пиру еще как присутствовали – это Герфегест сразу заметил, а заметив – церемонно кивнул знакомой купеческой троице из Орина. Но тут внимание Герфегеста вновь привлек Хозяин Дома Пелнов.

– Я не ошибусь, – начал Тай-Кевр, – если скажу, что все мы, братья, сегодня видели много добрых зрелищ. За это – наша благодарность гостеприимному Дому Гамелинов. Я не ошибусь, если скажу, что из всех виденных нами зрелищ самым добрым зрелищем были бега – этот отменный дар сармонтазарского просвещения. И я не ошибусь трижды, если скажу, что лучшим из виденного нами в этом зрелище была...

Тай-Кевр обвел неистовым взглядом всех присутствующих.

– ...кровь гамелинского отродья на Беговом Кольце! Так выпьем же за то, чтобы подобно тому, как наши кубки наполнятся отменным вином, наши глаза преисполнились зрелищем крови Гамелинов!

Не изменившись в лице, Герфегест неодобрительно покачал головой, словно отец, недовольный своим несмышленным сыном. Быстрее, чем гости успели поднять негодующий шум, «крылатый нож», пущенный одним ловким росчерком

кисти Герфегеста, вонзился в золотой кубок Тай-Кевра.

Сталь вошла в золото. Сокрушительная сила, вложенная Герфегестом в «крылатый нож», вырвала кубок из рук Хозяина Пелнов, обдав его расплескавшимся вином.

– Никто не выпьет за это! – сказал Герфегест, и его слова прозвучали смертным приговором для любого ослушника.

– А ты, Тай-Кевр, сын Шаль-Кевра, брат Глорамта, знай: я буду рубиться с тобой здесь и сейчас. И никто не посмеет сказать, что я нарушил законы гостеприимства.

Тай-Кевр медленно отер лицо и поднял свои окаянные глаза на Герфегеста.

– Нет, отродье Проклятого Дома Конгетларов. Не выйдет. Если я буду рубиться с тобой здесь и сейчас, ты убьешь меня, как убил многих. Мне нужно другое.

Все Пелны разом поднялись. Они вышли из-за стола и покинули пиршественный зал – надменные, провожаемые презрительными взглядами. Они уносили свой позор безмолвно.

Герфегест убрал ладонь с рукояти меча.

– Они не приняли вызов. Следовательно, они извинились, – сказал он гостям и улыбнулся.

10

«Молота Хуммера» не было больше, но об этом пока никто не знал. Огненная Трава сожрала его изнутри: выела дни-

ще и борта, сточила палубы и скамьи гребцов, слолав заодно и намертво принайтованные к этим скамьям весла.

Син и трое ее сопровождающих давно уже выбрались на берег Ледовой Бухты. Навстречу им по узкой дороге, которая вела вдоль берега, приближались шестеро воинов с алебардами. Шлемы с мощными масками, полированные нагрудники – гордость и краса Гамелинов.

– Прекрасная госпожа, мы видели, как вы подымались на «Молот Хуммера». Не поймите нас превратно, но нам хотелось бы знать, что вы искали там, в этом плавучем гробу? – учтиво осведомился начальник дозора, когда в его выпуклом нагруднике отразилось искаженное до неузнаваемости лицо Син.

Вместо Син им ответил Туман Фратана. Три дурманных облачка бордовой пыли, покинув разлетевшиеся вдребезги глиняные шарики, окутали маски стражей. Ни один из сопровождающих Син нагиров Дома Пелнов не промахнулся.

Бездыханные тела стражей еще не успели достичь земли, а тишину над Ледовой Бухтой уже сотрясал оглушительный треск.

Пустая скорлупа «Молота Хуммера» пошла ко дну, разваливаясь на глазах. А из неистово бурлящей грязнопенной воды к берегу шустрыми красными молниями метнулись побеги утолившей первый голод, но все еще далекой от насыщения Огненной Травы.

Пелны покинули пиршественный зал и вышли в коридор, где скучали праздные стражи Гамелинов.

Сорок вооруженных Пелнов против восьми зевающих в ожидании доброй чары с пиршественного стола Гамелинов. Неудивительно, что стражи нашли свою смерть раньше, чем улыбка покинула уста Герфегеста.

Воины умерли, не издав ни звука. Их ослабевшие руки выронили мечи, но падающие клинки не прозвенели в гулком коридоре, подхваченные их предусмотрительными убийцами. Безжизненные тела стражей также были заботливо приняты под руки и бесшумно опущены на пол.

Стараниями своего нового знакомца, судовладельца в желтом, который появился из ничего в день несостоявшейся казни Син и ушел в ничто спустя неделю, Тай-Кевр знал Наг-Нараон лучше, чем сами Гамелины. Поэтому Хозяин Пелнов ни мгновения не колебался относительно того, куда им идти и что делать. Не колебалась и Син.

Тай-Кевру требовались десять хороших воинов, чтобы пробиться ко входу в Лоно Игольчатой Башни. Син – и того меньше.

Тридцать Пелнов деловито погасили настенные светильники и расположились вдоль стен коридора, куда вел выход из пиршественного зала. Лица их были хмурыми, глаза –

упрямыми.

Они, быть может, погибнут все до единого. Но, расплатившись жизнями, купят время, которое так необходимо Тай-Кевру и Син.

12

«Становой Хребет Наг-Нараона – Игольчатая Башня. Без нее не было бы могущества Харманы, без нее не случилось бы возвышение Герфегеста. Без нее, полагаю, не была бы написана эта книга.

Гавань Наг-Нараона вмещает в себя три бухты: Многоговую, Ледовую и Веселую. Про каждую из них есть что порассказать.

Когда в Синем Алустрале шла война между Хранящими Верность во главе с Ганфалой и мятежниками под началом Хозяев Гамелинов, в проливе Олк неподалеку от Наг-Нараона произошло большое сражение. Тогда могущество многих Благородных Домов пало в прах на долгие годы.

Но Пелны – подневольные союзники Гамелинов – избегли участия в этом сражении и пришли в пролив Олк лишь затем, чтобы полюбоваться на обгоревшие остовы неприятельских кораблей. Потом корабли Пелнов вошли в гавань Наг-Нараона – и их было больше, чем всех остальных мятежников вместе взятых.

Пелны уже тогда люто ненавидели Гамелинов, ибо за пол-

года до битвы в проливе Олк Стагевд, прежний Хозяин Гамелинов, муж и брат Харманы, с невиданной жестокостью сокрушил лорнуомские крепости Пелнов, чтобы принудить их к союзу.

Итак, Пелны пришли в Наг-Нараон под личиною друзей, хотя умные головы знали: этой дружбе не быть ни долгой, ни крепкой. Пелны пришли в Наг-Нараон, и их корабли бросили якоря в Веселой Бухте.

Спустя три дня случилось то, что не могло не случиться. Под покровом безлунной ночи лучники Пелнов в несколько залпов перебили стражу Гамелинов. Пелны сошли с кораблей на берег и устремились к воротам Наг-Нараона. Шаль-Кевр, тогдашний глава Дома Пелнов, не сомневался в победе. Гамелины должны были погибнуть все до последнего. И они погибли бы, не будь Лона Игольчатой Башни.

Лоно Игольчатой Башни – это комната, вход в которую открыт лишь посвященным.

О ней сказано так: «...неистовство кровосмесительной связи в Лоне Игольчатой Башни потрясет стены Наг-Нараона... соитие кровных родственников тронет с места безмолвные камни и недвижные утесы...» и что-то там еще – сейчас уже толком не помню.

Увы, Хармана и Герфегест не были кровными родственниками, только лишь любовниками. Вот почему они вскрыли себе вены и смешали кровь, а после предались любви в Лоне Игольчатой Башни.

Утесы над Веселой Бухтой отозвались их страсти. Огромные скалы обрушились на корабли Пелнов. Они были разбиты в щепу, а уцелевших и обезумевших от страха врагов пленили Лорчи – преданные Гамелинам воители с северных островов.

Вот почему я сказал, что без Игольчатой Башни было бы невозможно возвышение Герфегеста. Если бы не дивные колдовские свойства Башни, Пелны подняли бы самозванца на копья вместе с ненавистной им Харманой, сестрой жестокого Стагевда.

Но и это не вся правда об Игольчатой Башне.

За несколько лет до появления Герфегеста в Синем Алустрале вассалы Гамелинов подняли мятеж против своей малолетней Хозяйки Харманы – девчонки, еще не познавшей мужчину. Смерть грозила всем, кто был в Наг-Нараоне, – Хармане, ее опекуну и двоюродному брату Стагевду и горстке преданных бойцов.

Вассалы пошли на приступ. С ловкостью голодных крыс они взбирались по северным склонам Наг-Нараонской горы и некому было остановить их. Тогда Стагевд привел Харману в Лоно Игольчатой Башни и растлил ее там, дабы северные склоны обратились неотвратимым каменным ураганом.

Впоследствии неистовая Хармана собственной рукой убила Стагевда, дабы ничто не препятствовало ее браку с Герфегестом.

Но и это не вся правда об Игольчатой Башне.

Когда я пришел в Алустрал, чтобы пресечь деятельное безумие Октанга Урайна, третьего Звезднорожденного, я пленил Шета окс Лагина, в теле которого пребывала темная воля Урайна.

Я не мог убить Урайна, ибо его жизнь и его смерть были скованы «цепью теней» с жизнью моей возлюбленной жены Гаэт. Из этой роковой связи проистекли все беды Круга Земель, но об этом я поведаю после.

Я не мог уничтожить Урайна, но я мог изгнать его из тела Шета окс Лагина и переместить его источенную злом душу в другое тело. Молодой император Алустрала Торвент, пятнадцатилетний юноша с колдовской сметкой девяностолетнего старца, помог мне сотворить новое тело для Урайна – тело Сделанного Человека.

Все потребные магические приготовления мы – я, Торвент, Герфегест и Хармана – совершили в Игольчатой Башне. Я никогда не забуду этот день. Из расколотого хрусталя небес на головы наши опадал прах вечности и никто не знал, сколько ударов сердца отмерено каждому из нас.

Наша смелость была вознаграждена.

Плененная душа Шета окс Лагина освободилась и вернула себе власть над собственным телом. А Октанг Ураин получил тело Сделанного Человека и остался жить, намертво прикованный к границе между сном и явью, бытием и небытием. И самая насущная правда об Игольчатой Башне заключается в том, что именно она долгие годы была высочайшим

склепом Круга Земель. Высочайшей спальней Круга Земель. А заодно – высочайшим надгробием над погребенным заживо Октангом Урайном.

Итак, под Лоном Игольчатой Башни я определил место для Октанга Урайна и мы заточили его там на веки вечные. Каждый Звезднорожденный умеет это – заставить другого Звезднорожденного жить без движения, пищи и солнечного света. Воистину ужасна мать наша, Великая Мать Тайа-Аронан».

Элиен, сын Тремгора. «Исход Времен»

13

Путь от Ледовой Бухты до Лебединых Ворот – единственных ворот, ведущих внутрь крепости Наг-Нараон – нелегок для злоумышленника. Но даже пройдя его, Син не добилась бы ничего. Ибо и в этом случае от Лона Игольчатой Башни ее отделяли бы крепкие ворота, многочисленная свирепая стража и путаная череда крепостных двориков, находящихся под обстрелом метких лучников.

Но черному делу Пелнов теперь служила Огненная Трава. Четверо облеченных в доспехи Гамелинов быстрым шагом достигли юго-западной оконечности Ледовой Бухты. За ними, таясь под водой, тянулись отростки Огненной Травы. Под старыми масками, очищенными от дурманного Тума-

на Фратана, теперь скрывались новые лица. Это были Син и трое отчаянных нагиров Дома Пелнов.

Когда «Молот Хуммера» исчез под водой, стража Гамелинов всполошилась. Начальник караула тотчас же отправил полтора десятка воинов разобраться что к чему, а сам двинулся с донесением к Хозяину Дома. Увы, ему не суждено было свершить задуманное – у входа в пиршественный зал его встретила отравленная стрела Пелнов.

Син остановилась. Остановились и ее спутники.

– Кажется, здесь, – сказала Син. Она сняла маску и поглядела вверх.

Крутая серая скала, дерзко возносящаяся ввысь, к восточным бастионам Наг-Нараона, казалась воистину несокрушимой. Но Син знала: стоит вгрызться в камень на каких-то тридцать локтей, и упруешься в заброшенный отросток старого лаза. По этому лазу можно безнаказанно подняться выше. Туда, где проходит каменный ствол Игольчатой Башни.

Син заговорила и из-под воды показались десятки красных лоснящихся щупалец. Каждое толщиной в руку. Каждое силой в ураган.

Поначалу Огненная Трава ела камень очень неохотно – она уже успела привыкнуть к разносолам. Син то и дело приходилось понукать ее хлесткими заклинаниями. Но вскоре дело пошло на лад.

Четвертой перемены блюд все не было, но Герфегест не беспокоился.

«Хороший предлог погнать с кухни заезжих лентяев-поваров, „приготовителей яств и закусок по предвечным харренским рецептам“. Лучше пусть свои, местные, всем заправляют. Они, конечно, только и умеют, что запекать в сыру молодых мидий да тунца на вертел сажать. Зато делают это быстро!»

Все, по мнению Герфегеста, шло к лучшему.

Тай-Кевр и его низколобые сродники с рожами мясников, отнюдь не служившие украшением пиршественного стола, нарвались на ссору и ретировались, трусливо поджав хвосты.

Грудастая распутница с замогильной улыбкой, утром сопровождавшая Тай-Кевра на ристалищах, не появлялась больше. «Небось изменяет своему шалому другу с каким-нибудь литым стражником или жадным до утех колесничим. И правильно делает... Жаль только сына Артагевда, погиб не за грош... Ну да завтра мы им устроим, Пелнам...»

Герфегест представил, как завтра на гребных состязаниях файеланты Гамелинов обгонят, а то и пощекочут таранами трухлявые корабли Пелнов к удовольствию всех любителей острых ощущений. Без мордобоя и поножовщины наверняка не обойдется...

Герфегест мрачно зато улыбнулся.

«Будут знать, как хамить за трапезой. Жаль только, Харманы сейчас нет рядом. Что это с ней? Сегодня она сама не своя – нездоровится? И Элай как в воду опущенный, бледный, заикается... Они что, друг от друга заразились? Но где и чем, Хуммер их раздери?!»

Герфегест не решился четко сформулировать ответ на свой вопрос. Он с силой сомкнул челюсти. Из нежной кости куропатки брызнул лакомый серый мозг.

В этот миг пол едва вздрогнул. Его ушей достиг далекий громовой пережат каменного обвала.

Грозы в тот день не было и быть не могло. Гостям – сытым, упитым, наговорившимся до хрипоты – не было до грома ровным счетом никакого дела. Но из головы Герфегеста хмель выветрился в одно мгновение.

«Обвал произошел в гавани. Вот уже десять лет не было ничего подобного. Подобное, но в тысячу раз более страшное, сотворили некогда мы с Харманой. И только нам с Харманой дано повторить это при необходимости. Но в таком случае что же там произошло?»

– Ты, ты и ты, – указательный палец Герфегеста выделил трех самых трезвых молодых Гамелинов, – на смотровую галерею и быстро назад. Ни с кем не говорить. Доложить лично мне.

Напряжение Хозяина передано его людям. От пиршественного благодушия не осталось и следа. А потому, когда

троицу молодых Гамелинов встретили за дверью вероломные клинки Пелнов, один из них изловчился и ушел от первого смертельного удара. Перед смертью он достал нападающего Пелна выхваченным из-за сапога кинжалом. На сей раз звонкую возню в коридоре слышали все – тишина в пиршественном зале была гробовой.

Через несколько мгновений чуткие Гамелины и Лорчи обнажили мечи.

Герфегест, сочтя, что одного меча ему будет маловато, хлопнул о стену свое дубовое кресло. Теперь в его руках оказалась еще и отменная крепкая дубина.

Воины остальных Домов являли собою картину полного разброда и сумятицы.

Один перебравший Хевр неуверенно заржал. Дескать, ха-ха, кто-то в сумраке коридора напоролся на собственный не то меч, не то черен.

Орнумхониоры все как один поднялись и окружили главу своего Дома плотным двойным кольцом. Дисциплина!

Эльм-Оры – самые немногочисленные среди гостей – окаменели на своих местах. После битвы в проливе Олк Дом Эльм-Оров твердо решил держаться в стороне от любых усобиц.

Когда из дверного проема в грудь Герфегесту устремилось копьё, он даже немного обрадовался этому.

«Пелнов обуяло боевое безумие. Хорошо же! Теперь они будут истреблены все до последнего. Довольно разговоров!»

Син знала, что будет так. Но даже ее ледяное сердце сжалось от ужаса при виде неистовой мощи Огненной Травы.

То, для чего ветру и дождям требуются столетия, Огненная Трава свершила за несколько коротких колоколов.

Дрожащие, словно в лихорадке, настырные красные побеги впились в серые морщины скал и легко протиснулись в них, как дождевые черви входят в разрыхленную почву. Скала отозвалась щупальцам натужным гудением.

– Клянусь прахом своего отца, если бы я знал... – сбивчиво начал один из воинов, что сопровождали Син, в страхе отступая назад.

Тяжелый взгляд Син заставил его замолчать. Ей не было никакого дела до эмоций этого тупоумного нагира.

– Отойдем, – коротко бросила она.

Воины Гамелинов, посланные начальником стражи, находились теперь на расстоянии полутора полетов стрелы. Они очень спешили. Они могли успеть.

Огненная Трава входила в скалу все глубже и глубже, ввинчивая сотни мелких отростков и корешков в ее съедобное каменное нутро. Наконец откололась первая крупная глыба. Взметнув фонтан брызг, гигантский камень обрушился в воду.

За ним последовали другие. Провал в скале рос и ширился.

ся.

Излетная стрела, пущенная в злоумышленницу стражами Гамелинов, вонзилась в красного червя Огненной Травы.

Раздалось едва слышное чавканье. По отростку пробежала судорожная волна. Стрела, легонько хрустнув, сломалась. Наконечник остался где-то в глубине сочной неукротимой плоти, осиротевшее древко полетело в воду.

Стражи громко осквернили лживые святыни Народов Моря и вновь припустили бегом.

16

Элай знал, что Хармана придет. Обязательно придет. Она не могла не прийти после всего, что произошло между ними прошлой ночью.

Нет, Элай не знал, что именно в этих покоях, состоящих из трех небольших комнат, много лет назад Герфегест Конгетлар первый раз в жизни увидел госпожу Харману. Тогда там располагалась спальня Хозяйки. Герфегест явился в Наг-Нараон, чтобы убить ее, ибо полагал Харману источником всех несовершенств подлунного мира. Но одного взгляда на Хозяйку Дома Гамелинов хватило Герфегесту, чтобы расстаться со своим намерением навсегда. Здесь Хармана и Герфегест впервые любили друг друга, здесь Хармана попросила его стать Хозяином...

Элай не знал истории этих покоев, невзрачных и удален-

ных от других жилых помещений, где назначил свидание госпоже Хармане. Не ведал, что совершает не только измену, но и маленькое святотатство. Однако и без того на душе у него было тяжело.

Дверь с тихим шорохом растворилась, возвещая появление госпожи Харманы. Сердце Элая радостно запрыгало в груди.

Шепча восторженную чушь, Элай вскочил навстречу гостье, чей палец, как и минувшей ночью, был упредительно приложен к губам.

– Мне стало дурно на пиру. Я решила, что прогулка на свежем воздухе меня развеет, – шепнула Хармана и улыбнулась той многосмысленной улыбкой, понять которую до конца не по силам ни одному мужчине.

Потом их тела сблизились и вспышка желания надолго ослепила обоих.

Не разлепляя сомкнутых в жадном поцелуе уст, Элай поднял Харману на руки и понес на ложе...

А когда кружение плоти прервалось, когда их сплетенные пальцы ослабели, в объятии же появилось даже нечто дружеское, Элай спросил:

– А если Герфегест...

– Никогда, – ответила Хармана. – Герфегест никогда ничего не узнает. Мы будем очень осторожны. Мы не причиним ему боли. Но даже появись он сейчас на пороге с албардой в руках, нам нечего бояться. Герфегест помнит, кто

сделал его Хозяином Гамелинов. И он слишком любит...

Внезапно Хармана насторожилась и, приподнявшись на локте, пристально всмотрелась в сумрак соседней комнаты.

Элай мог поклясться, что не происходит ничего угрожающего. В комнате было тихо, разве только волны плещут внизу. Но лицо Харманы приобрело такое тревожное выражение, что Элай враз побелел.

– Что там, любимая? – спросил он шепотом, укладывая ладонь на талию Хозяйки Гамелинов.

Хармана резко мотнула головой – дескать, исчезни, пока ничего не знаю.

В следующее мгновение Элай был сброшен удивительно сильной рукой Харманы на пол. Сама Хозяйка Гамелинов, подскочив, как перепуганная камышовая кошка, к высокой напольной вазе, неприметно ютившейся в затененной нише, уже извлекала ногу, выброшенную в молниеносном ударе, из вихря осколков, в которые обратился ни в чем не повинный сосуд.

Дверь была распахнута. Четверо Пелнов быстрым, деловитым шагом опытных убийц пересекали комнату, направляясь к обнаженному Элаю.

Их намерения не вызывали сомнений.

Элай в ужасе заорал.

В тот же миг один из Пелнов упал – из его распахнутого в беззвучном крике рта хлестала кровь напололам с блевотиной.

Хармана, чьи покои хранили множество секретов на случай любых неприятных неожиданностей, теперь была вооружена.

Ее прекрасная нагота ослепила еще одного Пелна, понадеявшегося на легкую добычу, и парные топоры прервали его бег.

Только тогда двое других Пелнов наконец осознали, что перед ними очень опасный противник. Хармана с трудом ушла от их пронырливых мечей.

Элай, залитый кровью мертвого Пелна, продолжал кричать.

17

Стражники выстрелили еще и на этот раз стрелы нашли свою первую жертву.

Под ноги Син упало бездыханное тело.

Стражи Гамелинов были уже совсем близко. Еще немного – и они перестреляют всех. Но и Огненная Трава знала свое дело.

Скала содрогнулась до самой вершины. Колоссальный скальный отломок высотой в сорок локтей, с достоинством накренившись, рухнул в воду, разбрасывая в стороны длинные лоскуты изорванных побегов Огненной Травы.

Сквозь облако каменной пыли и водяных брызг Син увидела черную полосу лаза, косо уходящую вверх, за острые

края скола. Уцелевшие черви Огненной Травы исчезали в его глухой черноте.

Не раздумывая ни мгновения, Син подпрыгнула, ухватилась за мощный красный стебель, ведущий к спасительному сумраку, – и тотчас же сотни свежих корешков попытались найти себе пристанище в ее теле. Они слепо уткнулись в кожу Син, обвили ее ладони, ступни, лицо – и отпрянули назад. «Нельзя», – сказала Син, и Огненная Трава поняла ее.

Син полезла вверх, споро перебирая руками по живому канату и упираясь ногами в скалу.

Двое уцелевших нагиров Дома Пелнов поспешили последовать ее примеру. На них-то Огненная Трава и отыгралась, подсластив сочным мясом сухую каменную крошку. Вопли сожранных заживо воинов затихли очень быстро. Пустые окровавленные доспехи упали в двадцати шагах от оторопевших Гамелинов.

«Вместо того чтобы с дельфинами целоваться, нужно было учиться говорить Траве „нельзя“, – презрительно фыркнула Син.

Преследовать Син было самоубийством. Единственной надеждой Гамелинов оставались луки. И луки не подвели своих хозяев.

Пять стрел отяготили легкое тело Син, впившись в ее гибкую спину. Син истошно закричала.

Крик ее быстро иссяк.

Щупальца Огненной Травы радостно метнулись к телу

Син. На этот раз она не смогла избежать участи Пелнов – теперь красивые уста ее были безмолвны.

– Лазутчица мертва?

– Лазутчица мертва.

Начальник дозора удовлетворенно проводил взглядом ее заемные шлем и зеркальный нагрудник с гербом Гамелинов, что, печально побрякивая и переворачиваясь в воздухе, упали вниз, на дорогу, огибающую Ледовую Бухту.

Однако он не заметил, что одна небольшая вещица, падавшая вместе со своими внушительными бронзовыми собратьями, была еще на лету подхвачена стремительно выброшенным из красного стебля побегом.

Дозорные собрали отвергнутые Травой железки и поспешили назад с докладом. Хозяева Гамелинов сильные колдуны. С людьми неприятеля покончено, а с Огненной Травой пусть разбирается тот, кто умеет.

За спиной начальника дозора и его подчиненных побег Огненной Травы, подхвативший небольшую звонкую вещицу, ловко змеясь среди прочих, устремился вверх с добычей.

18

С Тай-Кевром остались двое. Четверых он отрядил защищать дверь, остальные полегли от рук Гамелинов на пути сюда.

Тай-Кевр и его люди спускались вниз по каменным ступе-

ням. Они вводили все глубже и глубже – к Лону Игольчатой Башни.

Меч Тай-Кевра был залит кровью по самое яблоко. Его воины едва держались на ногах от полученных ран.

«Долго они не протянут, – подумал Тай-Кевр. – Зато погибнут как герои. Это ведь очень почетно – умереть ради Хозяина своего Дома».

Наивный Тай-Кевр полагал, что ему самому жизнь назначена долгая и счастливая. Так пообещал судовладелец в желтом. А уж этот всезнайка, судя по событиям сегодняшнего дня, не лгал ни в чем.

Спуск окончился. Они стояли в начале короткого коридора, концом которому служил неприметный тупик.

Благородный Цуддамн, испустив стон сквозь судорожно сцепленные зубы, просел на пол. Внезапно лицо его просветлилось и стало радостным. Он привел Хозяина Дома к цели и теперь покидает этот мир. Что может быть прекраснее?

Благородный Салаав в изнеможении опустился на предпоследнюю ступень лестницы. Он пока еще не имел права оставить Хозяина, хотя в душе хотел именно этого. Если бы не раздирающая мозг боль, если бы не кровь, что хлестала из обрубленной по локоть левой руки, Салаав счел бы всю сцену очень величественной. А так до величия сцены ему не было никакого дела.

Прошло восемь коротких колоколов.

– Ты можешь уходить, – сказал наконец Тай-Кевр, когда

правая стена коридора вздрогнула в первый раз.

– Еще десять ударов сердца – и я уйду, – прошептал Салаав.

Из стены брызнула каменная крошка и крохотный красный язычок пробился навстречу неверному свету факелов.

Салаав опустил затылок на ступени лестницы и застыл, выгнутый предсмертной судорогой в мост к Намарну.

19

Огненная Трава и Тай-Кевр встретились.

Но Син в привычном обличье дивной и пугающей девы не пришла с Огненной Травой, ибо была убита лучниками Гамелинов и теперь ее плоть и кровь стали плотью и кровью Огненной Травы.

Тай-Кевр не знал этого.

Он беспомощно огляделся по сторонам.

Под ногами плотоядно вились множащиеся побеги Огненной Травы. Никто не вышел из черного провала в стене коридора. Никто. Тай-Кевр в задумчивости закусил губу.

Син обещала: «Я приду к тебе вместе с Огненной Травой» – и проклятый судовладелец в желтом плаще со стразами вторил ее словам благодушными кивками лысой головы.

Син соблазняла: «Смешав свою кровь, мы предадимся любви в Лоне Игольчатой Башни» – и незнакомец в желтом скалил свои ровные зубы богатея в одобрительной улыбке.

Син говорила: «Ты мой повелитель». Он, Тай-Кевр, верил ей, не особо утруждаясь поисками источника своей веры.

Теперь ее нет.

За спиной в любое мгновение могут появиться яростные Гамелины. Впереди – только тупик. Серая каменная плита, за которой скрыто Лоно Игольчатой Башни. Сквозь нее не пройти, не просочиться. Ведь он, Тай-Кевр, – не Огненная Трава.

Вдруг Тай-Кевру показалось, что по его щиколотке пробежал крохотный паучок. Он гадливо отдернул ногу. Любопытный побег, выброшенный Огненной Травой, испуганно свернулся в спираль. Однако уже через несколько мгновений сразу несколько слепых – и в то же время таких зрячих! – ростков рванулись к ноге Хозяина Дома Пелнов.

Тай-Кевр полоснул по ним мечом и отскочил назад. Однако устоять на ногах он не смог. Его ступни увязли в чем-то мягком и он рухнул на спину, нелепо взмахнув руками. Огненная Трава укрыла неистово вопящего Тай-Кевра тысячью своих прожорливых щупалец.

Бородатый сотник Гамелинов – тот самый, с которым наемни привелось драться Элаю – ворвался на лестницу первым. Он грубо оттолкнул коченеющее тело Салаава, перегородивающее дорогу преследователям, и бросился вниз.

– Что там? – спросил сотника молодой воин, чей взгляд невольно задержался на умиротворенном лице Цуддамна.

– Поздно... Нужно уносить отсюда ноги! – прохрипел сот-

ник, задыхаясь в объятиях Огненной Травы. – Уходи!

Да, Гамелины не успели. Тай-Кевр ушел вслед за Син, оставив после себя лишь перстень Хозяина Дома, доспехи, окровавленный меч и изодранные парчовые одежды.

Красные змеи метнулись в сторону молодого воина Гамелинов. Тот отпрянул и с прытью марала поскакал вверх по лестнице, не решившись состязаться с хуммеровыми всходами.

Стебли сердито качнулись, немного помедлили, словно бы в разочаровании, и, ведомые растворенной в них волей Син, все разом обрушились на потаенную дверь в Лоно Игольчатой Башни.

Хозяева Гамелинов отпирали ее при помощи мечей Стагевда и затейных магических знаков. Огненная Трава сокрушила дверь размеренными ласками – объятиями, в которых можно было расплющить железный шар размером с ягненка.

20

Кровь Тай-Кевра перемешалась с кровью Син в стеблях и побегах Огненной Травы. А их тела испытали в сочных извивающихся утробах конечную близость, какой никогда не достигали мужчина и женщина под Солнцем Предвечным.

Теперь Тай-Кевр и Син – а точнее, то, что от них осталось – пребывали в Лоне Игольчатой Башни: небольшой комнате, расписанной наивными фресками, повествующими о бед-

ствиях и несчастьях, которые сулит пробудившийся каменный шквал незадачливым постояльцам наг-нараонской гавани.

Огненная Трава прошла по всем стенам, придиричиво испытывая их. Затем два самых мощных ростка, каждый толщиной в человеческое туловище, прилепились к южной стене Лона Игольчатой Башни и сплелись в исполинское вервие. Вначале очень и очень медленно, почти неразличимо для глаза, потом все ускоряясь и ускоряясь, все увеличивая размах своего совокупительного бега, они пришли во взаимодействие.

Белесый и алый соки ручьями хлестали из раздираемой в клочья растительной плоти. Осыпались старые фрески, гудели стены, постанывал пол.

В Игольчатой Башне пробуждалось неистовство, которое прежде Наг-Нараон испытывал лишь дважды. Но тогда в Лоне преступали черту естественного мужчины и женщины, а теперь – распадающиеся сознания, подчиненные Хуммеровому наитию.

21

«Четвертая перемена блюд несколько затянулась, – подумал Герфегест, отирая с лица кровь. – Но зато теперь ясно, что повара тут совершенно ни при чем...»

Пелнов было всего лишь три десятка, но они занимали

очень выгодную позицию по отношению к Гамелинам и Лорчам. Последние стремились во что бы то ни стало прорваться через узкие двери, в которых было непросто разминуться и двум вооруженным мужчинам. Пелнам же было достаточно вяло обороняться.

Когда первая отчаянная попытка прорваться вылилась в бесконечно долгий звон мечей, в сопровождении которого расстались с жизнями трое Лорчей, двое Гамелинов и единственный Пелн, Орнумхониоры, не обронив ни одного лишнего слова, ударили своим гостеприимцам в спину.

Теперь рукопашная шла повсюду. Только Эльм-Оры, Ганантахониоры и Хевры, построившись в западном углу пиршественного зала угрожающим полукругом, предпочли не связывать свои судьбы ни с одной из сторон.

– Жабья кровь, что ж вы медлите?! – орал Герфегест, отводя своей импровизированной дубиной удар огромного вертела, на котором еще какой-то час назад подавали кабана. Вертел вылетел из рук незадачливого Орнумхониора. Вслед за вертелом противник Хозяина Гамелинов потерял и военное счастье – меч Герфегеста распорол ему живот.

– Да не будьте же трусами! – заклинал Герфегест трусливо жмущихся к стенам Эльм-Оров. – Конец нам – конец Алустралу!

Из-за насторожившегося ежа мечей глумливо прокукарекали.

– Петухи и есть! – пробасил один из Сильнейших Дома

Лорчей, тучный Льяррин, сражавшийся по правую руку от Герфегеста.

Герфегест уже вконец измочалил свою дубину, но ничего даже отдаленно похожего на победу пока не предвиделось. И тем не менее Герфегест был уверен: победа будет за Гамелинами. Шавка может укусить медведя за задницу. Шавка может заставить медведя нервничать. Единственное, чего она не может, – так это съесть медведя.

Герфегест не понимал, на что рассчитывает Тай-Кевр. Из этого непонимания он поторопился заключить, что Тай-Кевр – просто спятивший недоумок, понадеявшийся на то, что все Дома поддержат его вероломное нападение.

Когда Герфегест уже окончательно уговорил себя, что у Пелнов нет никакого особого замысла, а грохот, принесенный ветром из гавани, – всего лишь первый на его памяти стихийный скальный обвал, пол под его ногами ухнул на два пальца вниз. А потом – на два пальца вверх.

– Дождались, тупоумные трусы?! – гневно бросил Герфегест в сторону неприсоединившихся. – Дождались?!

Через несколько мгновений кричали почти все. Но крики эти потонули в нарастающем грохоте, который несся со стороны Миноговой Бухты.

виной было бездействие и напряженное ожидание. Не было еще и четырех часов пополудни, а им уже начало казаться, что они прозевали наступление ночи и рассвет нового дня. Оба были погружены в вязкое, дремотное безвременье.

Раш и Тарен Меченый, Сильнейшие Дома Пелнов, сводили вничью четвертую партию игры в нарк.

– Вступаю в чертоги твои, – торжественно провозгласил Раш.

– А я соответственно вступаю в чертоги твои, – прогнусавил Тарен Меченый, пародируя церемониальность Раша. – Ничья, в общем. Повторим?

– К Хуммеру. Когда ничья все время – играть скучно. Может, пообедаем?

– Если посчитать, сколько раз мы за сегодня ели, то получится, что час назад мы съели обед завтрашнего дня. А вообще я бы лучше...

Но Тарен не успел окончить. Поскольку в глаз ему попала мельчайшая соринка.

Он недовольно замотал головой и сморгнул. Соринка не исчезла. Напротив, отозвалась радужным сиянием.

Тарен потер место внедрения соринки указательным пальцем. Не помогло.

– Послушай, мне какая-то ерунда в глаз попала. Не можешь?

Но Раш не ответил ему, он был увлечен совсем другим. Взгляд его был обращен вверх головы Тарена – туда, где над

северо-западным пределом восставала радуга.

Это был долгожданный знак.

Тай-Кевр и Син достигли в Лоне Игольчатой Башни совершеннейшего кровосмесительного слияния и возвещенный пророчествами каменный ураган обрушился на Миноговую Бухту.

Там, в Миноговой Бухте, стояли файеланты, что прибыли в Наг-Нараон на Игрища Альбатросов. Но главное – там стоял боевой флот Гамелинов.

Среди неистовства высвобожденных сил, заключенных древними строителями Наг-Нараона в Лоне Игольчатой Башни, гибли великолепные пятиярусные корабли Гамелинов, а соленые брызги, посланцы взбудораженного моря, возносились ввысь на многие лиги. Там, в пронзительной синеве осеннего неба, зарождалась радуга.

Когда Тай-Кевр услышал от судовладельца, что все будет именно так, он с изумлением переспросил:

– Но почему тебе знать, что день будет ясный? Что зародится радуга? Что ее, в конце концов, увидят мои люди?

В ответ он услышал:

– Будь все иначе, ты бы сейчас не говорил со мной, достойный Хозяин Пелнов.

Сами по себе слова судовладельца в желтом не значили ничего. Но сказаны они были так, что Тай-Кевр поверил. Поверил сразу и безоговорочно – так же, как он поверил Син.

– Тарен, да ты посмотри! – заорал Раш.

Только теперь Тарен заметил радугу. Только теперь понял, что «соринка» была предвосхищением радуги, схваченной его боковым зрением.

Спустя несколько коротких колоколов файеланты Дома Пелнов вышли из бездеятельного дрейфа. Море было чисто на сорок лиг вперед. И гавань Наг-Нараона теперь тоже была чиста, как голова в утро после мировой попойки.

Тарен Меченый еще не знал, что стал новым Хозяином Пелнов.

23

«Кто? Как? Где эти двое неведомых кровных родственничков, что учинили похотливую возню в сердце силы Наг-Нараона?» – спрашивал себя Герфегест.

Когда Лоно Игольчатой Башни разродилось своим смертоносным бременем и Герфегест понял, что оправдываются самые худшие его опасения, он сразу подумал об Элае и Хармане.

«Нет. Не может быть. В конце концов, никакие они не родственники. То есть – не кровные», – убеждал себя он. А не убедив, прошептал:

– Только не это...

Пол ходил ходуном. Герфегест, отчаявшись привлечь на свою сторону безучастных Хевров, трусливых Эльм-Оров и нерешительных Ганантахониоров, звенящим вихрем нале-

тел на рассыпающийся строй врагов.

Он мог сделать это несколькими минутами раньше. И теперь корил себя за промедление.

Орнумхониоры пытались задержать его и задержали. На пару коротких колоколов. Эту задержку они оплатили жизнями троих. Отчаяние умножило силы Герфегеста.

А ведь для отчаяния были причины. В тот день с флотом Гамелинов было покончено еще быстрее, чем некогда – с мятежными кораблями коварного Шаль-Кевра.

Высадив высокое окно пиршественного зала вместе с рамой, Герфегест смог насладиться самым скорбным зрелищем, какое только может увидеть Хозяин могущественного Дома.

Исполинские каменные клинья, торчащие в палубах тонущих кораблей в обрамлении раскрошенных досок. Мачты, сломанные будто соломинки. Тысячи весел, мусором качающиеся на волнах. И утопленники – их подталкивала к берегу услужливая, ласковая волна Миноговой Бухты.

Центральная лестница, нисходящая в Миноговую Бухту, чудом уцелела, но уже в десяти локтях от нее не осталось и следа от привычного рисунка скал. Декоративный кустарник был вырван с корнем, мраморные вазы с розовыми настурциями – любимыми цветами Харманы – попадали вниз. Изящные литые оградки сторожевых площадок были скручены камнепадом в бараний рог.

Лебединым Воротам повезло еще меньше. Левая створ-

ка, сорванная залетным валуном, валялась на земле, залитая кровью расплющенного Гамелина.

Герфегест прикинул, куда бы можно было спрыгнуть. Какое-нибудь дерево или осыпь... Он уже понял, что прорубиться через Пелнов будет непросто, а оставаться в пиршественном зале он больше не мог, слишком уж испугался за Харману. И не только Харману.

«Только бы они не тронули Элая!» – эти не слишком уместные слова стучали в его сердце, когда он пробирался по узенькому карнизу в направлении окна смежного зала.

Герфегест все еще отказывался верить, что Дом Гамелинов обречен.

24

В начале коридора лежали убитые стражи. Они были застрелены – отравленными иглами в шею. Герфегеста невольно передернуло при мысли, что точно такую же иглу мог схлопотать и он сам, если бы решил проследовать за Тай-Кевром, когда тот во главе Пелнов покидал пиршественный зал.

В комнате, отведенной Элаю, никого не было.

В ней царил образцовый беспорядок, в целом отвечающий представлениям Герфегеста о складе личности сына Элиена Звезднорожденного.

Впрочем, на столике для письменных принадлежностей

цепкий взгляд Герфегеста различил раскрошенные остатки двух привядших цветков настурции, флакончик духов, какие обыкновенно дарят благосклонные девы Синего Алустрала приглянувшимся юношам, и восковую табличку с обрывками неких любовных виршей. Сии романтические предметы представлениям Герфегеста о складе личности Элая отвечали куда хуже.

Герфегест бросил взгляд на постель – она была не смята.

«Похоже, наш Элай не привык болеть в кровати, – саркастически хмыкнул Герфегест. – А ведь врал, стервец, что пошел спать!»

Герфегест заглянул за плотные портьеры, обрамляющие высокое окно, открыл дверцы одежной ниши. Убедившись, что Элая нет и там, он возвратился в коридор.

В старых спальнях покоях Харманы тоже было безлюдно. Четыре трупа – и более никого. В воздухе витали запахи розмарина, лотоса и сосны – те же, которые входили в состав духов госпожи Харманы.

«Ничего удивительного – она ведь любит иногда бывать здесь. Говорила, что этот зал навевает воспоминания о начале нашей любви. Вот и зашла подлечиться...» – поспешил успокоить себя Герфегест.

Он внимательно осмотрел тела убитых. Нагрудники всех четверых были украшены Крылатыми Кораблями. Хвала Намарну, это были всего лишь опрометчивые Пелны, дерзнувшие нарушить покой Хозяйки Гамелинов в час, когда ей

нездоровилось.

«Вот только где Хармана сейчас? И где, Хуммер его раздери, этот десятиклятый романтик Элай?»

Герфегест уже собрался было покинуть старый спальный покой, но в это мгновение его вниманием завладел крохотный блестящий предмет, едва различимый в луже крови. В последнее время Хозяин Гамелинов отвык обращать внимание на подобные мелочи, но события минувшего дня обострили в нем былую подозрительность.

Герфегест не побрезговал извлечь вещицу из крови и отереть ее о свою шелковую рубаху, и без того безнадежно испорченную.

Это был позолоченный крючок. Крючок, на который застегиваются мужские штаны оринского покроя. На головке плоской заклепки, которой сей крючок еще совсем недавно крепился к штанам своего владельца, была выбита геральдическая кувшинка, недвусмысленно свидетельствующая о принадлежности хозяина штанов к родне гиазира свела – правителя города Орин...

«Сомнений нет – Элай тоже был здесь!»

На мгновение Герфегесту показалось, что пол плавно переходит в потолок и он – он, неколебимый Герфегест из Дома Конгетларов! – обращается в навозную муху, вязнущую в колдовской патоке бессилия.

Герфегест до ломоты в висках сцепил челюсти, чтобы не заорать блажным ором обманутого мужа.

Да, он был слеп, но теперь он прозрел. И злому полозу правды было вольно теперь язвить его всласть.

Пытаясь обуздать свое отчаяние нарочитым спокойствием движений, Хозяин Дома Гамелинов осторожно положил крючок обратно в лужу крови. Он не станет опускаться до унижительного собирательства грязных улик.

Его меч превыше правосудия.

Спустя несколько мгновений Герфегестом овладели колебания. Вправе ли он убить их? Вправе ли он вообще подозревать свою возлюбленную жену в измене?

Ведь могло быть совсем иначе. Например, так.

«Элай отдыхает у себя в комнате. („Ага, – злобно ощерился Герфегест-мститель, – отдыхает и целомудренно грустит над сухими лепестками настурций“.) Да, значит, Элай у себя в комнате. Отдыхает. Возможно даже, спит, утомленный... („Чем, интересно, утомляются семнадцатилетние жеребцы до той степени, что валяются дрыхнуть в четыре часа пополудни?“) В общем, отдыхает, пишет очередное письмо в Орин, отцу („И где же оно? Неужто Элай решил порадовать папеньку лирическими виршами?“), и в этот момент по коридору пробегают люди Дома Пелнов.

Пренебрегая прочими комнатами, они врываются в старые спальные покои. Там – Хармана. («Тоже погрузить при-тащилась – а ведь неближний свет!») Хармана, конечно, умица. Она мгновенно разбивает кувшин-тайник, где хранится оружие на случай как раз таких непредвиденных обстоя-

ательств. Она мужественно защищается, но силы неравны. Элай слышит шум схватки и спешит ей на помощь. Сын Элиена помогает Хозяйке Гамелинов расправиться с непрошеными гостями. А потом они вдвоем (Герфегест поморщился, бессильный врать себе и дальше)... валятся в постель, причем Хармана в своем извечном нетерпении рвет крючок долой. На нее это очень похоже, сыть Хуммерова!

Хорошо, пусть не так. Раненый Пелн падает, выпуская из рук секиру, и, выбросив вперед скрюченные пальцы, вцепляется в Элая, надеясь, видимо, кастрировать врага перед смертью. Вот тут-то крючок и оборвался... Нет, я все-таки убью мерзавку!»

Герфегест обернулся на звуки знакомого голоса.

На пороге зала стояли Хармана и Элай.

Одетые. Перепуганные.

На штанах Элая не хватало верхнего крючка.

На руках, на лицах – свежая кровь. Хармана – это Герфегест почувствовал сразу – была разъярена и недовольна. Элай – смертельно напуган, однако, страхась подпортить реноме, не выпускал из рук трофейный меч. За их спинами слышался родной говорок – воины Гамелинов хвалились своими успехами.

Лицо Герфегеста озарила улыбка. В глубине души он очень боялся, что Хармана и Элай нашли свою смерть от рук Пелнов. Нечестивцы могли бы пленить ненавистную им Хозяйку вместе с ее молодым воздыхателем, утащить обоих ку-

да-нибудь подальше и там лишит жизни одним из ледяных душу способов, на которые столь богата мрачная фантазия людей Алустрала. «И вот это было бы куда хуже супружеской измены, хотя куда уж вроде бы хуже...»

– Глазам не верю! Ты жив! – Лицо Харманы просияло. – Ты все-таки вырвался из пиршественного зала!

– В былые времена я проделывал штуки и позабористей, – отрезал Герфегест. – Я хочу знать, что случилось здесь.

– Случилось дурное, – нахмурилась Хармана. – Пелны повсюду. Я дремала, когда в зал вломились эти четверо, – она небрежно кивнула на трупы, – и мне пришлось преподавать им пару уроков фехтования. На шум схватки прибежал Элай – он как раз решил прогуляться, осмотреть это крыло замка. Конечно, Элай еще слишком молод, чтобы оказать мне действительную помощь, и он едва не погиб. Но я все равно благодарна ему. За моральную поддержку.

«М-да, – подумал Герфегест. – Мы чересчур близки с Харманой, чтобы в подобных случаях можно было положиться на самую изобретательную ложь. Ведь лжем мы совершенно одинаково».

Если бы за спинами Элая и его возлюбленной супруги не теснились посторонние, которые, ясное дело, тоже были не прочь оказаться в курсе хозяйских секретов, Герфегест, быть может, продолжил бы этот разговор. Но времени на разбирательства не было. В тот день у Хозяев Гамелинов были проблемы позабористее личной жизни.

– Хорошо, – кивнул Герфегест. – Но что же было потом?

– Потом я допросила раненого Пелна – единственного, кто еще оставался в живых. Ты понимаешь, что я имею в виду.

Герфегест молча кивнул. Он помнил – Хармана большая искусница по части развязывания тугих узлов на языках раненых мужчин.

– Перед смертью раненый поведал мне, что целью Тай-Кевра является какое-то лоно. Больше несчастный не знал ничего и я отпустила его к Намарну.

– Лono Игольчатой Башни?

– Разумеется, – кивнула Хармана. – Мы с Элаем устремились за Тай-Кевром. Но мы опоздали. Южные скалы ожили раньше, чем мы расправились с дюжим Пелном, который, вооружившись шестопером и полуторным мечом, держал винтовую лестницу. Это был шурин Тай-Кевра, я запомнила его по прошлым Игрищам.

– Ценная подробность, – съязвил Герфегест.

«Лono Игольчатой Башни... Но как?» – недоумевал Герфегест.

– Хуммер пожри это протраханное лono! – гаркнул он наконец. – Что бы там ни было, мы должны помочь нашим в пиршественном зале. Немедленно туда!

вытканый глазастыми морскими гадами гобелен и выбила из стены сноп холодных искр.

Герфегест, вновь избежавший смерти, выпрямился. Спустя мгновение он, слившийся со своим мечом в одно совершеннейшее человекоорудие, бросился на противника, еще только заносящего секиру, по лезвию которой теперь змеилась трещина. Меч Герфегеста отпраздновал восьмую за этот день победу, поразив печень врага в шаблонном выпаде «язык хамелеона».

В иные времена Хозяин Гамелинов постеснялся бы драться столь безыскусно. Реноме мастера обязывало быть изысканным. Теперь ему было все равно.

Герфегест больше не вспоминал о том, что полчаса назад он потерял свой флот, равного которому не было в Алустрале.

Герфегест выбросил из головы свои «подозрения» относительно Харманы и Элая. Пусть себе задыхаются в потных танцах экстаза, пусть плодят выbledков. Ему не до них.

Теперь Герфегеста заботило только одно: вернуть меч ножнам не раньше, чем последний из Пелнов, вероломно поправших законы гостеприимства, отдаст свою душу непроглядной, свинцовой Синеве Алустрала.

Да, были еще глупейшие из глупых – Орнумхониоры. Этих тоже ждала смерть. Уделом других Домов станет позор: император Торвент не преминет выразить им свое презрение. И только верных Лорчей он, Герфегест, желает видеть

завтра рядом с собой. Только Лорчей.

В тот день Хармана не изменила Герфегесту лишь в одном. Как в старые времена («Да отсохнет язык, повернувшийся назвать их „добрыми“!» – подумал Герфегест) она сражалась плечом к плечу со своим мужем.

Пелнам некуда было бежать – они добровольно обрекли себя быть запертыми в тесном коридоре, ставшем склепом для многих Гамелинов. Теперь этот коридор был закупорен с двух сторон, а из дверей пиршественного зала наседали Сильнейшие Гамелинов и Лорчей.

Когда в пиршественном зале наконец поняли, что снаружи идет подмога, когда боевой клич «Лед и Сталь!» потряс стены Наг-Нараона не хуже магии Лона Игольчатой Башни, Ганантахониоры, Эльм-Оры и Хевры сообразили, что пора сделать правильный выбор.

Молот был быстр и тяжел, наковальня – крепка и беспощадна.

Орнумхониоры, потеряв с десятков своих, пораженных в спину клинками прежних безучастных наблюдателей, почли за лучшее немедленно сдаться на милость победителей.

Пелны тоже не продержались долго. К немалому удивлению Герфегеста, спустя пять варанских колоколов молодой Сильнейший Аввен, что оставался в отряде Пелнов за старшего, отшвырнул свой клинок и низко поклонился Герфегесту.

Последовав примеру старшего, сложили оружие и осталь-

ные Пелны.

«Странно, – не веря своим глазам, подумал Герфегест, едва успевший остановить свой клинок в двух ладонях от сердца израненного Пелна, – очень странно. Чтобы Пелны сдались бесчестным Гамелинам и предпочли позор красивой смерти? Не иначе как красивая смерть ноне упала в цене...»

26

«Неужели все кончено?» – спрашивал себя Герфегест.

Сжимая в руке чадный факел, он спускался к Лону Игольчатой Башни. За ним следовали невозмутимая Хармана, подпоясанная мечом, вооруженный пикой Элай, который, с военной точки зрения, конечно, не стоил и мизинца своего отца, но зато был юношей вежливым и послушным, и двое молодых воинов.

Коридор. Два трупа – Сильнейшие Дома Пелнов. Герфегест помнил даже их имена. – Цуддамн и Салаав.

«А были вроде свойские мужики – брататься все время лезли... На позапрошлых Игрищах Альбатросов еще хохотал над быличками, что рассказывал про свое путешествие в Харрену Салаав... Что посулил им Тай-Кевр? Чем склонил их к самоубийственному мятежу? Впрочем, вот и сам Тай-Кевр. Жаль, у него теперь не спросишь...»

Герфегест присел на корточки возле доспехов Тай-Кевра. Их невозможно было спутать с чужими. Ибо одности-

шие, выгравированное узорчатými письменами на прекрасной стали нагрудника, гласило: «Отмщение стоит смерти, сын Шаль-Кевра!»

– Наверное, он должен быть счастлив, – задумчиво сказал Элай, присаживаясь рядом с Герфегестом. – Он отомстил и он погиб.

Герфегест не нашел что ответить Элаю. В его сердце не было и капли сострадания к Тай-Кевру.

Они двинулись дальше.

Зияющая пасть пролома в стене. И еще одна внушительная дыра – в дверной плите, отягощенной древними заклätиями.

Десять лет назад Герфегест и Хармана тоже отпирали эту дверь. Но для этого им потребовались клинки Стагевда и Истинное Наречие Хуммера. А вот существо, которое недавно проникло в Лоно Игольчатой Башни, обошлось без клинков Стагевда. Ему достало собственной недюжинной силы.

– Оставайтесь здесь, – бросил Герфегест своим спутникам.

Сам он прошел вперед и оказался внутри Лона.

– Ай да сыть Хуммерова!

Вся южная стена комнаты была загажена вязкими белесыми потеками, оплетена слизистыми нитями, засижена темно-бурыми кляксами, имевшими цвет растертой в кашу черники.

«Отнюдь не человеческое семя. Отнюдь не человеческая

кровь».

– Хармана, ты мне нужна, – позвал Герфегест, не поворачивая головы, и, когда, Хармана подошла, спросил вполголоса: – Что ты думаешь по поводу этого?

Хармана наклонилась, поддела кинжалом потек загустевшей белесой жидкости и осторожно понюхала его.

– Дерьмо, – констатировала она со свойственной себе прямотой. – Это не семя человека. И не семя зверя. Это соки растения.

– Так кто же совокуплялся здесь – растения? – Состроив ироническую мину, Герфегест покосился на свою супругу.

– Не вполне растения, полагаю. Но что совокуплялись – это точно, – игнорируя иронию Герфегеста, заявила Хармана.

Потом она сделала то, на что сам Герфегест смог бы отважиться разве только под угрозой смерти. Хармана поднесла к губам и откусила от краешка белесой субстанции. Герфегест брезгливо отвернулся.

В его мозгу неожиданно ярко вспыхнуло давнее воспоминание: жара, Молочная Котловина, каменная пробка, закупоривающая вход в Арсенал. Карлик с непоэтичным именем Горхла протягивает ему засушенную бабочку. Он ест ссохшееся тельце. Давясь тошнотой, разжевывает обтрепанные крыльца. И все это – дабы вкусить от Наречия Хуммера, дабы овладеть смертоносным оружием...

«Все всё жрут в этом проклятом Алустрале!» – подумал

Герфегест. Его сердце сжалось от неожиданно нахлынувшей тоски по далекой уютной Сармонтазаре, где он не знал ни Харманы, ни боли измены.

– Это было человекорастение, – заключила Хармана, проглотив свой скромный ужин и поразмыслив несколько мгновений.

За их спинами испуганно вскрикнул Элай, Герфегест и Хармана обернулись.

Элай растерянно глядел на них, бормоча несвязные извинения. Вокруг него блистали клинки Гамелинов – и все. Ни врагов, ни чудовищ, ни, в конце концов, человекорастений.

– Чего орешь? – спросил Герфегест.

– Я... я не знаю... что-то коснулось меня, какой-то красный лоскут... оттуда... – Элай ткнул пальцем в черный пролом, что зиял в стене коридора. В пролом, о происхождении которого Герфегесту и Хармане еще только предстояло задуматься.

– Факел! – потребовал Герфегест.

В его протянутую руку легло теплое древко. Хозяин Гамелинов швырнул факел в пролом.

Пролетев порядочное расстояние, факел стукнулся о стену и упал, сварливо потрескивая и плюясь каплями смолы. В его трепетном свете Герфегест успел заметить нечто, похожее на упитанную красную змею, стремительно скользнувшую вниз, в темноту.

Элай, делая вид, что расправляет взмокшую рубаху на

спине, запустил руку под плащ. За пояс его теперь был заткнут некий предмет, на ощупь не поймешь – что. Не то бусы, не то... «Главное, – подумал Элай, – раньше его не было».

Элай понял: этой странной штукой его одарило змеиное прикосновение. Он хотел извлечь ее и показать Герфегесту с Харманой, но какое-то смутное волеизъявление, исходящее от предмета, удержало его. «И правда – зачем показывать? Снова будут смотреть на меня как на недоумка, сбежавшего из-под опеки нянек и мамок, и с умным видом поучать, что почем».

Элай принял непринужденную позу и оставил подарок в покое. Он разберется с ним на досуге.

– Хозяин! – позвали откуда-то сверху.

Герфегест, у которого голова уже давно шла кругом, высоко поднял факел и посмотрел на гостя из верхнего мира с плохо скрываемым раздражением.

– Ну, что еще?!

– Наблюдатели с вершины Башни подают знаки. Мы перезапросили трижды – и трижды получили подтверждение.

Воин тяжело дышал. По его озабоченному лицу крупными каплями струился пот.

– Подтверждение чего?! – переспросил Герфегест.

– К Наг-Нараону с юга приближаются файеланты. Числом до сорока.

Глава 5

Падение Наг-Нараона

1

Три часа, отведенных им судьбой, не смогли решить ничего. У Гамелинов больше не было флота и они не могли встретить неприятелей на подходах к Наг-Нараону. Вместе с погибшими под каменным градом файелантами погибли люди, метательные машины, основные запасы стрел. Внешние ворота крепости тоже пострадали от обвала и больше не служили препятствием для неприятеля.

Гамелинов оставалось никак не больше тысячи – даже с учетом слуг, способных держать в руках оружие, возниц и привилегированных гребцов, которые отдыхали в казармах перед завтрашними состязаниями скоростных файелантов.

Вместе с кораблями Гамелинов в Миноговой Бухте нашли свою гибель и файеланты других Домов.

Помощи ждать было неоткуда.

У Гамелинов оставалось время лишь для бегства в глубь острова. Впрочем, это же время можно было потратить на то, чтобы достойно подготовиться к смерти. Потому что в любом наставлении по воинскому делу написано, что сорок

файелантов способны доставить войско в две с половиной тысячи тяжеловооруженных бойцов. А при желании – и в два раза больше.

Теперь Герфегесту было ясно, почему Пелны с такой легкостью сложили перед ним оружие. Мерзавцы не сомневались в скором освобождении из плена!

2

Хозяин Дома, застигнутый врагами врасплох в своей вотчине, не имеет права уходить.

Уйти – значит не только оставить замок на поругание врагу, но и покрыть себя несмываемым позором. Бежавший Хозяин Дома перестает быть Хозяином и его вправе убить каждый.

Сильнейшие Дома и их дружины тоже не имеют права покинуть своего Хозяина и тот не может приказать им уйти. А если он все-таки прикажет – обязанность Сильнейших низложить своего Хозяина и выбрать нового, твердого душой. Такого, кто примет достойную смерть сам и приведет к ней своих возлюбленных братьев.

И только гости Дома, не связанные с ним клятвами и договорами, вольны поступать так, как им заблагорассудится.

На север, спускаясь со склонов Наг-Нараонской горы, мимо Бегового театра, проходя через укрепления и россыпи поселений, тянется мощенная первосортным камнем Столбо-

вая Дорога. Она уходит в глубь острова и раздваивается в пятидесяти лигах от Наг-Нараона. Ее западный рукав ведет в порт Сивенк, восточный – в порт Авен-Раман.

По этой дороге Хевры, Ганантахониоры, прощенные Герфегестом Орнумхониоры и Эльм-Оры покинули крепость за час до того, как первый корабль Пелнов вошел в гавань восточной Гамелинов.

По этой же дороге должен был уйти Элай.

По этой дороге имели полное право уйти Лорчи. Однако Лорчи, как один, решили остаться.

3

– За Элая, сына Элиена, вы отвечаете головой. Не смотрите на меня как на предателя. Я не сомневаюсь в вашей мужественной решимости сражаться за Дом Гамелинов. И отсылаю вас не во имя вашего спасения, а ради того, чтобы сохранить жизнь сына своего доброго друга и союзника...

– Да, Хозяин, – угрюмым хором отозвались десять Лорчей.

– Вы сопроводите Элая в Авен-Раман. Вы найдете там коменданта крепости и отдадите ему вот это. – Герфегест вручил старшему из Лорчей, Льяррину, письмо, запечатанное в бронзовом цилиндре.

– После этого вы вольны отправляться домой. И да призрешет на вас благословенное око Намарна!

Лорчи молча поклонились – и впрямь говорить было не о чем.

Ни один из них не сомневался, что видит Хозяина Дома Гамелинов в последний раз. Герфегест – тоже не очень-то верил в то, что им когда-либо суждено свидеться снова. И Лорчи, и Герфегест были правы по-своему.

4

Наступал вечер. В недоступных небесах зажигались первые звезды.

В сумерках ветер резко переменился на устойчивый южный. Пелны поставили паруса. Они подходили к Наг-Нараону даже быстрее, чем сулили самые безрадостные прогнозы Герфегеста.

Вход в гавань не запирался ни цепями, ни передвижными подводными рогатинами. Гамелины привыкли полагаться исключительно на силу своего флота и оттого пренебрегали подобными хитростями. И корабли Пелнов прошли через морские ворота Наг-Нараона совершенно беспрепятственно.

Впереди всех шел флагманский файелант «Глорамт Смелый».

Раш и Тарен Меченый, оба в полных доспехах, опустив железные маски, стояли на боевой башенке.

Они с восхищением озирали плоды стараний главы своего

Дома. Благодаря этим стараниям вся Миноговая Бухта была превращена теперь в кладбище мощи Гамелинов.

В этом, впрочем, заключалось одно существенное неудобство: файеланты Пелнов не могли подступиться к крепости наикратчайшим путем. Единственной бухтой, уцелевшей в Наг-Нараоне после грозных извержений Лона Игольчатой Башни, была Ледовая. Самая удаленная от крепости, самая глухая и неустроенная.

Где-то высоко, на стенах Наг-Нараона, щелкнула тугая тетива толщиной в человеческую руку и горящая пятнадцатилуктевая стрела, прогудев над головами Раша и Тарена Меченого, пробила парус, на котором распластался в своем вечном полете Альбатрос – Крылатый Корабль Пелнов.

Гамелинам ответили разом восемь стрелометов – с «Глорамта Смелого» и соседних файелантов.

К парусу «Глорамта Смелого», неохотно занимавшемуся едким трескучим пламенем, бросились вышколенные матросы.

– Пронесло, хвала Намарну! – прошептал Раш, даже не пытаясь скрыть дрожь, которая прошибла его от темени до пят в момент пролета стрелы.

– Хвала, – сдержанно кивнул Тарен.

В отблесках огня за их спинами, на отделанных золотом и бивнем морского зверя подмостках боевой башенки Раш и Тарен Меченый казались двумя персонажами исторической драмы – уж очень нарочитыми были их движения и жесты.

Два десятка заряжающих, дружно застав в лад выгибающейся дуге «Лука Гестры», налегли на ворота. Подающий механизм – чудо из чудес по обе стороны Хелтанских гор – ладно провернулся и новая стрела, пройдя над возжигателем, перекатившись по спрямляющим лоткам, восхищая своих владельцев слаженной ритмичной движением, опустилась на ведущий желоб. Прислуга ввела небольшую поправку и она тотчас же была означена горячей главою стрелы, послушно качнувшейся вниз. Короткое, лающее заклинание-проклятие. И снова щелкнула тетива.

Раш не успел понять, что произошло. Тарен Меченый, вздрогнув, отскочил в сторону, едва удержавшись от падения с башенки.

На месте его соратника торчало гудящее бревно. Лицо Раши было едва различимо в ужасающем месиве железа, древесной щепы и расквашенной плоти.

Теряя остатки самообладания, Тарен спустился с башенки и присел на палубу.

«О, с-сыть Хуммерова...»

Его мутило.

К счастью, кормщики Пелнов не нуждались в дополнительных распоряжениях со стороны старших флотоводцев. Все они знали наг-нараонскую гавань назубок.

Когда «Глорамт Смелый», казалось, вот-вот должен был врезаться в стремительно надвигающийся из сумрака мыс, нос корабля описал плавную четверть дуги и вместе с ним

повернули вправо еще четыре файеланта.

Только так – строем фронта по пять – у них были шансы успеть втянуться в Ледовую Бухту прежде, чем все корабли станут добычей механического «Лука Гестры» и трех его собратьев.

5

Столбовая Дорога, петляя по северным склонам Наг-Нараонской горы, вела в серую и печальную неизвестность. В неизвестность, в которой не будет Харманы, прекраснейшей из женщин.

«Защитники Наг-Нараона обречены... Хармана погибнет вместе с ними... И мне никогда более не покрыть поцелуями ее горячие, чуть суховатые губы, не прикоснуться с ее упругим стройным ягодицам...»

Лорчи, к великому сожалению Элая, не умели ездить верхом – как и многие воины Синего Алустрала. Поэтому они отнюдь не мчались во весь опор, вгоняя в мыло породистых лошадей, которых у Гамелинов с недавних пор хватало. Они просто шли – быстрым размашистым шагом.

Так можно идти до утра. А после короткого тревожного сна – до середины следующей ночи.

Люди других Благородных Домов, покинувшие обреченный Наг-Нараон, опережали Лорчей на десяток лиг. Многие, чтобы скоротать путь, шли наперерез – то и дело между ку-

старниками и среди скал мелькали оранжевые плащи Хевров и пышные плюмажи Орнумхониоров.

Когда они сделали первый привал, Элай посмотрел в черное небо – взошла луна.

«Вот мы тут отдыхаем... А в Наг-Нараоне уже всю льет-ся кровь...»

6

Герфегест знал, что Пелнам негде будет высадиться, кроме как в Ледовой Бухте, от которой к Лебединым Воротам ведет узкая и неудобная дорога. Это обстоятельство предоставляло обороняющимся определенные преимущества.

Пелны сошли с кораблей быстро и слаженно. Не прошло и получаса, а грохочущая железом живая змея уже направлялась к Лебединым Воротам легким солдатским бегом.

Горелая кость отвратительно смердела, но Тарен Меченый не покидал борта «Глорамта Смелого». Пожары были быстро потушены, парус вышвырнут за борт – файелант оставался вполне боеспособен.

Тарен Меченый нервно прохаживался по палубе, гоня прочь свежие воспоминания о гибели Раша. Он следил за огнями на дороге – это двигалась колонна Пелнов. И строил догадки относительно того, где же, Хуммер его разнеси, сейчас находится их неистовый Хозяин, Тай-Кевр.

«В плену? Или прячется в крепости? Или...»

За бортом раздался негромкий, но отчетливый плеск.
Рыба?

Боевой пловец Гамелинов? Впрочем, Тарен Меченый не придал этому звуку особого значения.

В такой тесноте, среди десятков кораблей, с которых продолжают выгружаться воины и, главное, осадная техника, в воду могло свалиться что угодно. Но когда рядом с ним на палубу плюхнулось нечто увесистое и, неведомо чем позвякивая, поползло прямо к нему, Тарен перепугался не на шутку.

7

За резким поворотом дороги, на выходе из Ледовой Бухты, колонну Пелнов поджидали триста Гамелинов.

Полноростные щиты, вперенные в землю, копейный еж, лучники, чувствующие себя за спинами тяжеловооруженных как за каменной стеной...

– Смерть Гамелинам! – раскатилось по колонне Пелнов.

Гамелины встретили врага угрюмым молчанием и посвистом стрел, который говорил красноречивее любых слов.

Но Тарен Меченый теперь был лишен счастья следить за стычкой с безопасного расстояния. Рядом с ним творились вещи куда более удивительные.

Выхваченные из темноты светом факелов в руках подбежавших матросов, на палубе копошились отвратительные

красные щупальца. Одно из них сжимало меч в своих цепких отростках-корешках.

Меч Тай-Кевра. Тарен прекрасно помнил этот клинок – с дополнительным развитием в форме изящного полумесяца и с зигзагообразным, молнийным узором от рукояти до самого острия.

Тарен был не из робкого десятка, но и со здравомыслием у него был полный порядок. Он жестом остановил матросов, которые норовили приблизиться – не стоило пытаться заигрывать с сущностью, которая, судя по размерам своих змеистых рук, была в состоянии уничтожить их файелант в несколько трагических мгновений.

Щупальце, сжимавшее меч, изогнулось и высекло в палубе глубокую борозду. Еще одну. И еще...

Тарен с недоумением следил за работой твари. Из грубых линий родился первый знак тайнописи Дома Пелнов, которая ведома лишь Сильнейшим.

Знак означал «Ты»...

Пелнам не удавалось прорвать плотный строй Гамелинов. Герфегест, не столько наблюдавший, сколько вслушивавшийся в происходящее с площадки, на которой был установлен «Лук Гестры», скептически покусывал губу.

– Послушай, Хармана, – он неожиданно повернул голову к Хозяйке Дома, – скоро все будет кончено. Но перед смертью я хочу знать: зачем ты изменила мне с Элаем?

Хармана досадливо подернула плечом.

– Потому что мальчик мог бы убить себя. Или тебя – и это было бы еще хуже.

8

Все четыре знака на палубе «Глорамта Смелого» были на чертаны.

«Ты новый Хозяин.

Хозяин».

Тарен Меченый растерянно осмотрелся. Рядом с ним не было ни одного Сильнейшего.

«Значит, речь точно идет обо мне».

К тому же он один был в состоянии проникнуть в смысл каракулей, нацарапанных на палубе мечом Тай-Кевра.

«Выходит, это таким способом старый Хозяин, Тай-Кевр, сообщает мне, что я теперь новый глава Дома? Но это же чудесно! Просто чудесно!»

Никто из матросов не понял, почему Тарен вдруг сорвался с места и безрассудно приблизился к щупальцу, сжимающему меч Тай-Кевра. И уж тем более почему он, преклонив колено, поцеловал его.

Неодобрительный ропот, в котором смешивались и недоумение, и отвращение, прокатился по палубе.

Как вдруг ростки-корешки втянулись внутрь щупальца и меч выпал на палубу – прямо к ногам Тарена! Но самое удивительное – рядом с мечом оказался и перстень Хозяина!

Тарен поднял перстень и надел его на палец. Затем он поднял меч и наградил поцелуем слезящуюся морской водою сталь.

И тогда наконец все поняли: Тарен Меченый стал новым Хозяином Пелнов.

– Вы все, – сказал Тарен, обращаясь к матросам и войнам, – вы все были свидетелями этому. И теперь буде у вас спросят, законом или личным произволом возведен Тарен Меченый в Хозяева, вы будете знать, что ответить.

9

Их окликнули и они были вынуждены остановиться.

Человек в желтом плаще, расшитом стразами, сидел на придорожном камне. На земле у его ног стояла переносная масляная лампа, взятая в переплет медных полос. На желтой ткани плаща тускло поблескивали узоры из фальшивых бриллиантов.

– Милостивые гиазире Лорчи, – сказал он, раздумчиво потирая лысую как колено голову. – Я имею смелость просить вас продолжить путь без этого симпатичного юноши.

Что-то до умопомрачения знакомое почудилось Элаю в голосе и фигуре этого человека, но его разум отказывался переступить запретную черту, за которой лежало узнавание. Элаю стало страшно.

Льяррин, чуткий до всяких неприятностей, обнажил меч

незамедлительно.

Двое его товарищей мигом оказались по обе стороны от странного незнакомца. Острия их клинков блеснули вровень с его слабо выраженным, округлым кадыком.

– Кто ты такой, чтобы говорить с нами об этом? – грозно спросил Льяррин.

– Я Властелин, – спокойно ответил человек, поднимаясь в полный рост.

10

«Наг-Нараон, которого, конечно, сейчас уже нет ни в одном из привычных нам образов, со времен своего основания до дня своего сокрушения был одной из сильнейших цитаделей Синего Алустрала. Но трижды сильнейшим его делал След Потаенного Пояса. Я никогда не знал о нем и лишь здесь, в Диорхе, приобрел это знание. Никчемный груз? Да.

Наг-Нараон был возведен по указаниям Лишенного Значений накануне Изначальной Войны, дабы оградить немногочисленных тогда людей Алустрала от вторжения «ледовооких», которые нахлынули из запредельных пустот Севера. Чтобы защитить Наг-Нараон со стороны суши, был поставлен Потаенный Пояс – стена слепого огня, смертельного для «ледовооких».

Перипетии войны людей Алустрала с «ледовоокими» теряются во тьме неведения. Известно лишь, что «ледовоокие»

ушли в небытие, но Потаенный Пояс тоже прекратил существование. Возможно, такова была воля Лишенного Значений. От Потаенного Пояса остался лишь След, невидимый и безопасный для простых смертных. Но сила Следа была такова, что никто из слуг Хуммера так и не смог пересечь его до самого Исхода Времен.

Никто не знал о Следе. Никто, кроме Октанга Урайна, который есть Длань, Уста и Чресла Хуммера».

Элиен, сын Тремгора. «Исход Времен»

11

Лорчи были мертвы.

Элай был жив, но его жизнь сейчас была лишь отражением смерти.

– Так-так-так, – пробормотал человек, назвавшийся Властелином. – Поддай-ка мне эту редкую вещь.

За его спиной курилось и гудело мутное багровое марево, в кустарнике по краям дороги что-то шуршало, Элаю на мгновение показалось, что сквозь кожу на своей руке он видит струение жизненных соков и подрагивание обнаженных мускулов. Палец человека указывал на футляр с письмом, который висел на поясе у мертвого Льяррина.

Элай повиновался. Он понимал, что сейчас его жизнь полностью принадлежит всесильному незнакомцу, кажущемуся

таким знакомым.

Человек в желтом сорвал крышку вместе с резьбой. Ему было недосуг тратить время на откручивание.

Он развернул письмо.

– «Прошу доставить оринского юношу, который явится вместе с подателем сего письма, в Калладир и выделить ему сопровождение далее до Орина. Сообщить Элиену Тремгору, свелу Орина, что на Наг-Нараон вероломно напали Пелны. Спасения не будет. Герфегест, Хозяин Дома Гамелинов».

Все это Властелин прочел вслух с правильными интонациями и с подобающим выражением.

– Спасения не будет! – хохотнул он, отшвыривая письмо прочь. На землю упали лишь невесомые хлопья пепла.

Элай окаменел. Пожалуй, в своей жизни он не слышал ничего страшнее этих слов.

– Ну а ты, сын сына Тайа-Ароан, ты понимаешь, что происходит?

Элай попытался развести судорожно сжатые челюсти, но не смог, как ни старался.

– Отвечай, когда я спрашиваю, а не то мой спутник, – Властелин едва заметно кивнул себе за спину, – испепелит твой язык.

Угроза оказалась действенной. И Элай ответил:

– Нет.

– Светлый мальчик! – покачал головой его собеседник.

Тарен Меченый был горд. Тай-Кевр сделал свое дело и передал бразды отмщения и победы ему, Тарену.

Непробиваемый строй Гамелинов плотно закупорил дорогу. Было совершенно очевидно, что так можно провозиться до утра.

Тогда шесть файелантов по приказу Тарена Меченого дали задний ход и вышли из Ледовой Бухты, заняв позицию напротив «ежа» Гамелинов.

Да, они снова попали под обстрел «Лука Гестры» и его собратьев. Но кораблей было шесть. Это означало, что, прежде чем файеланты будут подожены, их «скорпионы» и сотня лучников сметут Гамелинов с дороги.

Тарен Меченый, понимая, что сейчас все взоры обращены на него, сошел на берег. С упоением глядя, как расступаются перед ним воины, он быстрым шагом направился в голову колонны. Его место там.

– Пусть уходят, – сказал Герфегест посыльному.

Теперь дорогу не удержать. Это понятно. И без того триста верных Гамелинов стояли очень долго. По крайней мере вполне достаточно, чтобы дать время Элаю и Лорчам уйти от Наг-Нараона подальше. Потом они, Гамелины, будут рубиться с Пелнами на центральной лестнице, потом в Лебединых Воротах, потом – во внутренних двориках и перехо-

дах крепости.

Когда с Игольчатой Башни низринутся вниз Черные Лебеди и на ее вершине развернется штандарт Пелнов, Элай будет лигах в двадцати от Наг-Нараона. Его не догнать. Ну а это главное.

Стрелы сыпались на Гамелинов смертоносным градом, выбивая из рядов все новых и новых защитников. Но и корабли Пелнов испытали на себе всю тяжесть зажигательных снарядов «Лука Гестры».

Огонь разлился вдоль всего правого борта «Лучезарного». Стремясь уйти с пристрелянного Гамелинами плеса, сел на прибрежные камни горящий «Таранобоец». Разодранное брюхо файеланта начало стремительно заполняться водой, корма просела по верхний ряд гребных портов, под хлесткое потрескивание пошел трещинами днищевой брус. Так погиб «Таранобоец», прослуживший Пелнам верой и правдой больше тридцати лет, ветеран сражений за Наг-Туоль и Лорнуомский архипелаг.

Еще один файелант, «Семь Криков Ужаса», дрейфовал вдоль берега Ледовой Бухты, пылая от носа до кормы, и корабли Пелнов бросились от него врассыпную, как от прокаженного. При этом во время неловкого маневра «Шаль-Ру-мер» снес ахтерштевень вместе с рулевыми веслами «Пастырю штормов», а «Угодный Намарну» протаранил «Семь Криков Ужаса». На чем переполох и завершился, ибо «Семь Криков Ужаса» мгновенно затонул, а команда совершивше-

го нечаянный подвиг файеланта оказалась достаточно опытной, чтобы спасти свой воистину угодный Намарну корабль от пожара.

Выполняя приказ Хозяина, Гамелины медленно отступали. Шаг за шагом они отходили к центральной лестнице, а на них наседала темная гусеница Пелнов – длинная, лязгающая, необоримая. Тарен Меченый шел впереди и перстень Хозяина дарил ему уверенность в том, что он непобедим.

13

Элай шел обратно, по той же Столбовой Дороге, минуя те же деревья и строения. Но он не узнавал их.

Элай нес с собой футляр для тайной переписки. Это был в точности такой или даже просто тот же самый футляр, в каком Льяррин имел послание от Герфегеста к коменданту крепости Авен-Раман. Впрочем, если это был тот же самый, почему у него была цела резьба? Ведь на том, подлинном, футляре резьба была сокрушена звериной силой Властелина?

Сейчас Элай не задавался подобными пустыми вопросами. В футляре лежало письмо от коменданта крепости Авен-Раман. Печать была подлинная. Почерк коменданта – тоже. По крайней мере и печать, и почерк были неотличимы от их истинных прообразов. Письмо имело второй, тайный слой, для проявки которого предназначалась жидкость в крохот-

ном флаконе. И письмо, и флакон Элай получил от Властелина.

Элай не помнил из разговора с Властелином почти ничего. Он просто шел обратно в Наг-Нараон, где ему предстояло вновь встретить Харману и идти вместе с ней к сияющим вершинам славы.

Так думал Элай. И в некотором смысле он не ошибался.

14

Тарен Меченый отпихнул ногой обвисший на его мече труп Лорча. Обнаженный атлет, расписанный боевыми узорами, упал на землю, гремя бесполезным оружием.

Лебединые Ворота остались за спиной. Пелны вливались внутрь крепости. У Герфегеста не было больше людей, чтобы остановить их. Пробыл последний час Наг-Нараона.

Герфегест понимал и принимал это – как данность. Как восходы и закаты солнца, как смену ликов луны. И все-таки в его сознании не умещалось, что Пелны самостоятельно смогли добиться такого невероятного успеха.

Почему? Почему все сложилось так и никак иначе? Наг-Нараон долгие века оставался неприступной твердыней, которую не могли сокрушить ни мстительные соседи, ни мятежные вассалы Гамелинов. Десять лет назад Наг-Нараон оказался слишком крепким орешком для Ганфалы. Спустя считанные дни на крепость – коварно, вероломно, неожидан-

но – покусились Пелны. Тогда они повстречали судьбу под гневливыми утесами Веселой Бухты.

И вот теперь, во дни благословенного мира, когда Гамелины сильны как никогда, все тем же Пелнам – в общем-то слабым и безвольным Пелнам, вконец измельчавшим после гибели старшего поколения – удастся то, что не удавалось ни великому и тщеславному Ганфале, ни по-своему великому и вероломному Шаль-Кевру.

Герфегест видел, как взметнулись к стенам внутреннего двора приставные лестницы и огромный таран, встреченный всеобщим одобрительным ревом, врезался во вторые ворота. Он видел это и оставался безучастен. Хозяин Дома Гамелинов окаменел в раздумьях.

Герфегест знал трех людей, чья власть над мирозданием была неизмеримо выше его собственной: Элиен, Шет окс Лагин и Октанг Урайн.

«Элиен – вне подозрений. Конечно, ни его супруга, ни его сын особых симпатий не вызывают, но они здесь ни при чем.

Шета можно в расчет не принимать. Свое второе рождение он претерпел по воле Октанга Урайна лишь ради того, чтобы предоставить телесную оболочку для нового воплощения все того же Октанга Урайна. Теперь его воля вновь свободна стараниями Элиена, но сам Шет – скорее запойный мыслитель, нежели воин и заговорщик.

Остается Октанг Урайн. Но как?! Как, поведай мне, о Намарн Всеведущий, как может Октанг Урайн стоять за Пелна-

ми, штурмующими Наг-Нараон, если он сейчас пребывает в мрачайшем из ведомых мирозданию узилищ, в глубинных подземельях Игольчатой Башни?»»

Глухой к близящемуся шуму битвы, Герфегест бросил взгляд на вершину Игольчатой Башни. Там, под куполом из удивительно прочного и вместе с тем безупречно чистого хрусталя, горел огонь маяка. Игольчатая Башня – причина многих побед и сегодняшнего несчастья Гамелинов – по-прежнему производила впечатление нерушимой твердыни.

«Нет, нет и еще раз нет. Октанг Урайн не мог покинуть свое узилище и он не может влиять на события в подлунном мире из-под Игольчатой Башни.

Элиен, величайший из Звезднорожденных, заточил его туда десять лет назад, чему они с Харманой были свидетелями. Там его место до окончания времен.

Но кто же тогда направил волю Тай-Кевра к сегодняшнему безумию?»

Три часа назад Хозяин Гамелинов выслушал сбивчивое донесение начальника одного из дорожных караулов – того самого, который вместе со своими воинами расстрелял неприятельских нагиров в районе Ледовой Бухты. Начальник уверял, что видел умопомрачительное чудовище с красными щупальцами, которое поглотило живых Пелнов. А вслед за тем – и тело одного из нагиров.

Еще одна подробность – тот застреленный, который был поглощен, словно бы «высосан» щупальцами твари, показал-

ся одному из лучников женщиной. «Женщиной?» – переспросил тогда Герфегест. «Да-да, крик боли был женский. И определенно, несмотря на мужские доспехи, э-э-э... округлость зада была вполне немужская».

Последнему обстоятельству Герфегест поверил сразу. «Округлость зада» – то, что никогда не ускользнет от наметанного глаза бывалого лучника.

И что же осталось от этой женщины с выразительной округлостью зада? Да ничего особенного. Нагрудник да шлем, снятые ею с убитого Гамелина. В них – немного крови и несколько клочков кожи.

Далее. Когда они с Харманой осматривали Лоно Игольчатой Башни, что они там увидели? Снова – ничего особенного. Пустые доспехи Тай-Кевра. И нелюбезные сгустки на стенах Лона, в каковых сгустках Хозяйка Гамелинов опознала соки человекорастения.

И последнее. Тай-Кевр прибыл в Наг-Нараон с женщиной. Весьма странной молодой женщиной, которая очень понравилась Герфегесту-мужчине и вызвала отвращение, граничащее с тошнотой, у Герфегеста-праведника. Последний раз оба Герфегеста видели ее сегодня утром в Беговом театре на состязаниях колесниц. На пир Тай-Кевр пришел один. Не приходится сомневаться: именно спутница Тай-Кевра была застрелена сегодня между небом и землей в Ледовой Бухте.

Додумывать пришлось в движении – Пелны ворвались на гребень стены.

«Следовательно, – Герфегест парировал удар вражеского меча и сразу вслед за тем пустил в темноту пару „крылатых ножей“, – и Тай-Кевр, и его подруга были поглощены этим загадочнейшим растением, более подходящим на чудище морских глубин».

Герфегест с наслаждением погрузил клинок в бедро раскрывшегося Пелна.

«И совокупились – в некотором сомнительном, противоприродном смысле – в Лоне Игольчатой Башни. Откуда и проистекли все наши беды». – Герфегест резко дернул Харману за руку, заставив ее уйти вбок. Там, где только что стояла Хозяйка Гамелинов, звякнул о камни и выбросил сноп красноватых искр наконечник метательного копья.

«Мог ли Тай-Кевр до такой степени ненавидеть нас, Гамелинов, чтобы пожертвовать собственной жизнью во имя сокрушения нашей мощи? Нет!» – Герфегест захлопнул дверь, которая вела в башню, примыкающую к боевой площадке со стрелометами.

В дверь одна за другой постучались четыре стрелы. И еще две. «Хрен вам! – злорадно ощерился Герфегест. – Тот лучник еще не родился, который угонится за Ветром».

Хармана была жива и она все еще была рядом с ним. Герфегест чувствовал влажноватую прохладу ее ладони в своей разгоряченной руке. Дверь не продержится и сотни ударов сердца. Надо уходить в глубь крепости.

– Скажи, Хармана, тебе не кажется, что, несмотря на все

свои ухищрения, несмотря на великолепную подготовку и все прочее, у Тай-Кевра не было ни малейшей надежды выжить сегодня во время нападения на Наг-Нараон?

Хармана насмешливо фыркнула.

– «Кажется!»! Да я в этом глубоко уверена! Он был просто обречен повстречать свою смерть.

– Но зачем тогда Тай-Кевр пошел на эту авантюру? – Герфегест едва не поскользнулся на отполированных подошвами ступенях.

– Он не шел, – теперь Хармана была совершенно серьезна, – его вели.

– Умница! – Герфегест, позабыв обо всем, наградил Харману поцелуем. – Его вели! – воскликнул он, когда их уста вновь разъединились. – И ты знаешь, кто его вел?

– Доподлинно – нет. Но догадываюсь.

– Вот именно.

Хармана и Герфегест пришли к мрачному предположению. Настолько мрачному, что ради его проверки стоило переступить через кодекс чести и все установления Благородных Домов.

15

Со стороны гавани доносился нарастающий шум битвы. Но здесь, у Северных ворот Наг-Нараона, пока еще было спокойно. Двое Гамелинов нетерпеливо мялись на посту, пере-

ступая с ноги на ногу. Они знали, что им суждено погибнуть. И скорее всего им выпадет честь погибнуть последними.

По воле Властелина Элай был одет как и подобает чрезвычайному гонцу Гамелинов. В пурпурный плащ с белоснежной каймой, в мягкие, но исключительно прочные сапоги и черный матерчатый колпак, полностью скрывавший лицо.

Стража Наг-Нараона уполномочена проверять чрезвычайных гонцов по содержимому их футляров. Печать и подпись коменданта были в полном порядке. С текстом письма они не имели права знакомиться и, будучи верными служаками, не знакомились.

– Принесла тебя, браток, нелегкая, – сочувственно сказал Элаю один из стражей на прощание. – Хвала Намарну, если разыщешь Хозяина живым и невредимым.

Как и подобает чрезвычайному гонцу, Элай ответил им бесстрастным молчанием. Не к лицу доверенной персоне болтать с простыми латниками. За это могут и на файеланты разжаловать – веслами ворочать.

16

Хармана и Герфегест покинули своих людей в самую отчаянную минуту, обрекая себя на вечный позор в глазах любого благородного воина Алустрала.

Они ушли от звонкого хаоса битвы прочь и направились туда, где находилась святая святых Игольчатой Башни, по

сравнению с которой Лоно было лишь безобидной и никчемной игрушкой.

Но путь свой они начали все-таки с преддверия Лона. Там, в коридоре, правая стена которого была изуродована черным провалом и где сегодня произошло столь много судьбоносных событий, Хармана и Герфегест остановились.

О том, что из этого коридора можно попасть не только в Лоно Игольчатой Башни, знали очень и очень немногие. Во всем Круге Земель насчитывалось всего четыре человека, имеющих представление о том, что находится под Лоном. Хармана, Герфегест, Шет окс Лагин и Элиен, сын Тремгора. Лишь им было известно, что здесь, на огромной глубине, заточен в безвременье Октанг Урайн – Длань, Уста и Чресла Хуммера.

– Итак, Хармана из Дома Гамелинов, – сказал Герфегест, сам дивясь замогильным обертонам своего голоса, – понимаешь ли ты, что мы должны сделать сейчас, дабы пресечь навеки великое и неведомое зло, которое вновь рвется в Сармонтазару?

– Да.

– Осознаешь ли ты, Хармана из Дома Гамелинов, что смерть Урайна повлечет за собой гибель Гаэт, жены нашего друга и брата по крови, Элиена, Звезднорожденного, света Орина? Каковая Гаэт также является матерью Элая, гостя нашего Дома?

– Да, я осознаю это.

– И ты клянешься, что твоя рука не дрогнет, когда раскроются Двери Тьмы и беззащитное тело Урайна предстанет нашим взорам как улитка, с которой содрали панцирь?

– Я клянусь.

– Хорошо. Призовем же в союзники Намарна Всеведающего и Синеву Алустрала и свершим свой последний долг перед Кругом Земель.

17

«Почему мы не наложили на узилище Урайна заклятие, не имеющее обратной силы? Почему мы не сделали так, чтобы узилище темного слуги Хуммера невозможно было вскрыть без всеобщего согласия четверых – Герфегеста, Харманы, Шета окс Лагина и моего? Ведь это было бы так надежно!

На то были причины.

Во-первых, Хозяева Гамелинов вытребовали для себя безусловную возможность убить Октанга Урайна в любой момент. Ни Хармана, ни в особенности Герфегест не были столь прекрасодушны, как я. Они были с самого начала уверены в том, что найдутся силы, которые будут стремиться к освобождению Октанга Урайна. Они хотели иметь возможность уничтожить темного слугу Хуммера прежде, чем тот сможет обрести свободу по воле неведомых надприродных сил.

Во-вторых, в нас – и во мне, и в Шете – все еще теплилась

искра любви к нашему брату. Да, именно любви, хотя звучит это дико, несообразно со здравым смыслом. Ни Шет, ни я не теряли надежды, что душа нашего брата, очистившись в безвременье от темного семени Хуммера, сможет обратиться к добру. Мы с Шетом никому не признавались в этом, но спустя одиннадцать лет после заточения Октанга Урайна мы намеревались вскрыть его мрачное узилище, чтобы проверить наши предположения.

И, наконец, третье: долгие годы войны и мира отучили всех нас принимать решения, не имеющие обратной силы».

Элиен, сын Тремгора. «Исход Времен»

18

Два клинка-близнеца – мечи Стагевда, некогда откованные Хозяином Дома Гамелинов против Ганфалы, Надзирающего над Равновесием, а после переосвященные соитием Харманы и Герфегеста против Октанга Урайна в теле Шета окс Лагина – вошли в две неприметные расщелины, забытые кровавым прахом. По странной иронии судьбы, именно здесь сегодня пролилась кровь Тай-Кевра.

Хармана запела – как в тот далекий день, когда на вершине Игольчатой Башни Хозяева Гамелинов допрашивали голову Стагевда.

Герфегест обнял ее сзади, прижавшись к ней всем те-

лом. Их сердца должны биться в полном согласии. Перстень Хозяина на его пальце залил полумрак коридора потоками яркого нездешнего света. Герфегест отдавал себя во имя вскрытия узилища. Во имя смерти Октанга Урайна.

Камни пола под их ногами были вовсе не таковы, как могло показаться простаку. Когда пришло время, камни растворились, как мед в кипятке, и Хозяева Гамелинов начали растянутое, словно бы сонное падение в бездну. Они падали вниз, неспешно кружась и переворачиваясь, как осенние листья, пространство вокруг них было пронизано странным многоцветным светом, а воздух удивительно чист.

Герфегест не знал, что все будет именно так. Но он не удивлялся.

19

Времени не было. Прошло мгновение, час или год – они не знали.

Герфегест и Хармана очутились в сферической комнате, которая казалась выдутой из цельного куска багрового стекла. Лишь небольшая круглая площадка на полу была плоской. Сферическая комната вдавалась одним из своих пузатых боков в Склеп Урайна. Склеп был сотворен могуществом Элиена десять лет назад. В нем, сплошь обвитый омерзительными, чуть подрагивающими белесыми нитями, покоился не кто иной, как Сделанный Человек, во плоти которо-

го было заключено мрачное сознание Октанга Урайна.

Оставалось лишь открыть Двери Тьмы и разрешить своим клинкам повстречаться с плотью Сделанного Человека.

И Хармана, и Герфегест за последние десять лет не раз и не два мысленно совершали это несложное действие. Так, возможно, грезят о своем громком будущем ключи от далеких потаенных дверей, пылящиеся среди ржавого хлама на чердаке у какого-нибудь старьевщика. Предстоящие действия каждый из них знал наизусть. И все-таки оба волновались как школяры-недоучки перед лицом грозного наставника.

Перстни Хозяев прикоснулись к выпуклой багровой поверхности. Перстень Конгетларов и перстень Гамелинов согласно отдали свой свет и свою силу заклётым Дверям Тьмы. На стекле вспыхнули знаки Наречия Перевоплощений. Они ожили и, колеблясь в толще несокрушимого стекла, зазмеились нитями потустороннего огня, сплетаясь и неровно вспыхивая в такт биению сердец Хозяев Гамелинов.

– Прикрой глаза, – еле слышно напомнила Хармана. Но глаза Герфегеста и так уже были закрыты – он слишком хорошо помнил предписания для открывающего Двери Тьмы, оставленные когда-то Элиеном.

Спустя несколько мгновений яркая вспышка озарила Склеп. Ее отсветы пробились сквозь плотно сжатые веки Хозяев, но не смогли ослепить их. Герфегест почувствовал, как на его лбу тяжелыми горячими каплями выступил пот.

Они открыли глаза.

Преграды больше не было. До тела Сделанного Человека было не больше двух локтей. Он не шевелился. Он не дышал. Он был более чем мертв. Но воскрешение, увы, все еще было возможно.

Клинки Стагевда вздрогнули. Одно мгновение – и неопределенное пред-бытие Урайна сменится совершенным, абсолютным, необратимым небытием.

– Не делайте этого, заклинаю вас!

Голос за их спинами дрожал и был напрочь лишен власти. Если бы он грохотал страшными раскатами гласа Звезднорожденных или перебивался рыком из глоток чудовищ Хуммера, Герфегест не внял бы ему никогда. Но этот...

Герфегест и Хармана обернулись разом. Перед ними стоял Элай в одежде чрезвычайного гонца.

20

– Ты?! – На большее Хозяин Дома Гамелинов был способен. В этом коротком вопросе смешались в невиданное варево изумление, презрение, ревность и еще пара-тройка чувств, которым не сыскать имен в языке людей.

Несмотря на риторический характер вопроса, Элай едва заметно кивнул. Сглотнув комок, подступивший к горлу, он сказал:

– Вы не должны убивать Властелина. Если вы сделаете это,

моя мать погибнет страшной смертью. Мой отец будет обречен на невыносимые страдания, ибо в одночасье он потеряет Брата по Рождению, жену и последнюю надежду на Мир Звезднорожденных.

– Как... ты попал... сюда? – Герфегест с трудом справлялся со свинцовыми волнами ярости, одна за другой накрывавшими его с головой.

– Я не знаю.

Хармана, которая пристально изучала Элая исподлобья, поверила ему сразу и безоговорочно. Юноша пришел сюда не по собственной воле. Он сейчас находится под сильнейшим влиянием.

Кого? Как это ни чудовищно звучит – Октанга Урайна, который сейчас лежал у нее за спиной в Склепе. Который еще полчаса назад был наглухо закупорен здесь и ничто – ни воздух, ни мысль, ни воля – не могло проникать Склеп.

Хармана не знала, какие мысли сейчас проносятся в голове у Герфегеста. Но свое решение она приняла твердо и отступаться от него была не намерена.

Как оказалось, Хозяин Гамелинов принял то же самое решение.

Мечи Стагевда – и ее, и Герфегеста – блеснули разом. Смерть Элаю, пришедшему сюда тропами Зла! Смерть Октангу Урайну – а там будь что будет!

Они не видели и не чувствовали того, что видел и чувствовал Элай. Октанг Урайн пробудился.

Ледяные небеса над ледяными безднами, в которых не было ничего, кроме тьмы и не-чувствования, пошли малиновыми трещинами и рассыпались в прах, будто бы не существовали ни целую вечность, ни единого мгновения. Сознание Октанга Урайна вспыхнуло всеиспепеляющим Солнцем Непобедимым и ледяные бездны обратились в ничто.

Мириады картин прошли через его существо за один неделимый миг. Последнее, что он помнил, – треск рвущейся ткани мироздания на берегах Озера Перевоплощений и открытый бок Элиена, в который был готов вонзиться его клинок.

И все. Дальше – безвременье. Которое теперь кончилось волею неведомого пока случая.

Октанг Урайн всегда оценивал обстановку молниеносно – как гремучая змея Тернауна. Он жалил без раздумий, а потом уже выяснял, не был ли чересчур опрометчив.

Там, где он находится, – помимо него трое. Один источает странный, слабый и двусмысленный душевный запах Звезднорожденного. Это не Элиен и не Шет. Это сын Элиена, потому что у Шета нет и не может быть детей: Урайн это помнил более чем хорошо. Двое других – люди Алустрала. Этих

он тоже узнал с легкостью. Герфегест и Хармана. Выжили, значит, тогда...

В следующее мгновение Урайн понял и остальное: Хозяева Гамелинов сейчас убьют этого, третьего, сына Элиена. В том, кого они убьют вслед за сыном Элиена, сомневаться не приходилось.

Пришло время жалить.

22

Убить их сразу Октанг Урайн не мог. Он был безоружен, он был лишен былой мощи Звезднорожденного, он не знал возможностей своего нового тела – тела Сделанного Человека.

Единственным его оружием была внезапность.

Когда клинки Стагевда в руках Харманы и Герфегеста были готовы свершить скорый суд над непрошеным гостем, Урайн рванулся всем телом. Сковывающие его полурастительные путы порвались. Встав на ноги и не обращая внимания на накативший приступ тошноты, он нанес грубый, матросский удар обоими кулаками, метя по шеям Харманы и Герфегеста.

Удары не были сильны. Они были плохо поставлены. Но их хватило, чтобы спасти жизнь Элаю. Клинки Стагевда не обрушились на его беззащитное тело, хотя и были к этому близки как никогда.

Элай почти ничего не соображал, но все же ему достало *телесного разума*, чтобы понять: его хотят убить и его единственным союзником сейчас является восставший из Склепа человек. Тяжелый футляр с письмом обрушился на руку Герфегеста, сжимающую меч.

Хозяева Гамелинов были ошеломлены. Но это не помешало Хармане нанести слепой удар за спину. Клинок Стагевда проткнул левую ладонь Урайна.

Герфегест, закричав от боли в раздробленных пальцах, выронил меч и ответил Элаю жестоким ударом в пах, нанести который мечтал уже треть суток, но прежде сдерживался из разных «благородных», «родственных» и прочих ко-ту-под-хвост-пошедших соображений.

Хозяева Гамелинов, несмотря на внезапность нападения Урайна и вероломство Элая, без сомнения, убили бы обоих. Но тут сверху, из серебрящегося невнятного тумана, свалились еще четверо: двое израненных Гамелинов и двое ошалевших Пелнов.

Битва наверху входила в завершающую стадию. Люди Тарена Меченого теснили защитников Наг-Нараона в самые укромные уголки крепости. Так и случилось, что четверо сражающихся угодили в нечаянную колдовскую западню, раскрытую магией Хозяев Гамелинов.

Все смешалось в кровавой, тупой и совершенно невнятной возне.

Короткий выпад Харманы, направленный прямо в сердце

Урайна, по злой иронии судьбы, повстречался с плотью Гамелина.

Герфегест, задыхаясь от ярости, свалил наземь непрощеного Пелна.

Элай скулил под ногами у дерущихся, закрывая голову руками. Футляр для писем он, конечно, выронил.

Этот бедлам не помешал Урайну почуять и оценить по достоинству зов, исходящий из футляра. Странное дело... Ему показалось, что там находится нечто, изготовленное его собственной рукой.

Мыслимо ли это? Урайн не стал задумываться. В спасительном прыжке он достиг футляра и вцепился в него обеими руками. Над головой Урайна просвистел меч Харманы. В следующее мгновение Хозяйка Гамелинов была оглушена Пелном, который был достаточно жаден и вместе с тем умен, чтобы понимать, что Тарен даст за ее говорящую голову куда больше, чем за безмолвствующую.

Урайн лихорадочно соображал, где он находится. Если сюда спустились Хозяева Гамелинов, значит, они намеревались как-то отсюда подняться наверх. Туда, откуда свалились эти молодчики. Если бы он, Урайн, решил обустроить узилище для Звезднорожденного, он бы обязательно использовал многолоктевую толщу Ткани Тайа-Ароан.

Он и Элиен – Братья по Рождению. Значит, они мыслят одинаково. Значит, у него над головой – Ткань Тайа-Ароан. А для Ткани существуют свои слова...

– Флакон, – глядя перед собой невидящими глазами, но неожиданно твердым голосом сказал Элай.

Его левый кулак разжался. Урайн увидел на ладони Элая какой-то крошечный предмет. Он схватил его и очень вовремя отдернул руку – Пелн, мгновение назад оглушивший Харману, хотел оставить обнаженного человека с лысым черепом без десницы.

– Проклятие! – рычал Герфегест в бессильной злобе.

Он ничего не мог поделаться. Его правая кисть была раздроблена, а ногу исхитрился проткнуть кинжалом второй Пелн, прежде чем Герфегест свернул ему шею.

Главное в Войне Всех Против Всех – успеть раствориться в неведении прежде, чем кто-нибудь случайно отрежет тебе голову. Урайн вспомнил все слова о Ткани Тайа-Ароан и выбрал самую короткую формулу. На длинное заклинание могло не хватить времени.

23

Он вылетел наверх как ошпаренный. Уф-ф. Так ведь можно и умереть, милостивые гиазеры.

Темный коридор. Напротив – неряшливый пролом в стене. В одном конце коридора видна четырехугольная комната, в другом – ступени лестницы.

Много убитых и двое раненых. На полу догорает факел.

Урайн осторожно положил до времени на пол футляр и

флаконе, полученные от Элая, подобрал глянувшийся ему меч и первым делом добил раненых. Пелны, Гамелины – какая разница?

Потом он поднял факел и помахал им из стороны в сторону, чтобы разбудить засыпающее пламя.

Ураин прислушался. Никого.

Теперь самое время ознакомиться с содержимым футляра. Он развинтил его и извлек на свет послание.

«Хозяин! Спешу сообщить, что во вверенных мне городе и крепости по-прежнему все спокойно. В Квартале Медников просел фундамент одного из общественных зданий, но в целом...»

Что за ерунда? В конце письма стояла подпись: «Командант крепости Авен-Раман, Такой-Сякой из Дома Гамелинов». Нет, тут явно какой-то подвох.

Ураин открыл флакон и, насколько позволяли скромные объемы его содержимого, щедро окропил бумагу. Источая непередаваемый аромат хуммеровой кухни, жидкость мигом разошлась по всей поверхности бумаги и впиталась в нее без остатка. Каракули коменданта вместе с его печатью канули в небытие.

Вместо словесного поноса Такого-Сякого теперь на бумажном плацу выстроились безукоризненными шеренгами выжженные ледяным огнем Хуммера строки. Так мог писать только один человек во всей Сармонтазаре. Он, он сам – Ок-танг Ураин, Звезднорожденный.

Взгляд Урайна скользнул ниже. Черный отпечаток руки. Длань Хуммера.

Ураин скептически скривился и огляделся по сторонам в надежде увидеть что-нибудь подходящее. Хорошо, вот, например, рука этого, который... который еще теплый.

Ураин взял зарубленного Пелна за руку и приложил его пятерню к письму в том месте, где бумага была пропечатана Дланью Хуммера. Пятерня Пелна прошла сквозь черную печать, как сквозь воздух. С другой стороны бумажного листа выглянули добела обглоданные фаланги пальцев Пелна.

Итак, сомнений быть не может. Письмо написано им самим и никем другим.

Если Ураин мог допустить, что в нем все еще сохранилась способность удивляться, то сейчас он был именно удивлен.

Хм, ну положим. Так что же мы изволили написать сами себе, милостивые гиазиры?

«Я помню свое удивление в тот миг, когда я стоял подле Лона Игольчатой Башни и читал послание, написанное мне Октангом Урайном, то есть мной. Придет срок – и твое удивление развеется, как ныне развеялся прах бывшего мира.

Тебе предстоит нелегкий путь. Ты пройдешь его до конца, чтобы стать мной, Властелином.

Чтобы выбраться отсюда живым и невредимым, первым делом надлежит сокрушить Игольчатую Башню. Для этого сделай...»

Ураин прервался. Он был в коридоре не один. Там, откуда

он сам поднялся несколько минут назад, прорвавшись сквозь Ткань Тайа-Ароан, со стоном возник Герфегест.

24

Меч Хозяин Гамелинов держал в левой руке, а стоять он мог, только балансируя на одной ноге, ибо сухожилия второй были порваны. Глупый вид.

Ураин оценил расстояние между ними. Пять шагов.

Помнится, в теле Шета он, Ураин, был неплохим фехтовальщиком. Но телом Сделанного Человека он еще не научился владеть вовсе. Ураин помнил, что Герфегест практически неодолим в честном поединке один на один. Не сомневался Ураин и в том, что даже израненный Герфегест сможет отбиться от него. С другой стороны, если Герфегест решится на безрассудное нападение, то он наверняка допустит какую-нибудь оплошность и станет жертвой его, Урайна, клинка.

Герфегест, видимо, думал о том же самом. Он угрюмо разглядывал Урайна и лихорадочно оценивал свои шансы.

Ураин на всякий случай сделал еще три шага назад и, скосив глаза в письмо, спросил:

– А про тебя здесь, интересно, что-нибудь написано?

Герфегест насторожился.

– Точно, смотри-ка! – восхитился Ураин. – «Не пытайся убить Герфегеста. Я несколько раз уже пробовал». Это я,

стало быть, – пояснил Урайн Герфегесту, багровеющему от ненависти. – Э-э-э... Ага, вот. «И несколько раз умирал от его клинка».

Урайн прервал чтение и пристально посмотрел на Хозяина Дома Гамелинов.

– Я несколько раз умирал от твоего клинка, Последний из Конгетларов. А ведь имел возможность тысячу раз убить тебя сам, змеиное сердце, – сказал Урайн тихо и очень серьезно.

Герфегест очень устал от слов. Ему хотелось лишь одного – выпустить Ураину кишки и идти спать. А по пробуждении увидеть Наг-Нараон целым и невредимым. И чтобы до Игрищ Альбатросов оставался еще хотя бы один день.

Уж он бы, Герфегест, знал, какой прием устроить Тай-Кевру и его людям!

Урайн вернулся к чтению.

– Так-так-так... «Оставь его там, где встретишься с ним. Герфегест ничем не сможет помешать тебе. Со временем ты вернешься в Алустрал и принесешь ему смерть».

– Слышал? – спросил Урайн, склонив голову набок.

И только теперь Герфегест не выдержал. Он рванулся вперед, вкладывая в этот порыв всю свою ненависть. Он почти достал Урайна. И все же его клинок смог лишь надорвать в руках врага загадочное письмо, служившее источником странных прорицаний.

Герфегест упал. У Урайна было несколько мгновений, ко-

торые он мог попытаться потратить на то, чтобы зарубить Герфегеста. Но Ураин пренебрег представившейся возможностью – он доверял своим советам.

Ураин отошел еще на три шага и принялся перечитывать письмо с самого начала. Предстояло сделать очень и очень многое.

25

Поверженный Наг-Нараон лежал у его ног. Разоренное родовое гнездо Гамелинов было освещено заревом пожара. Залитое кровью, разоренное, безлюдное.

Гамелины были верны себе до конца. Никто не искал спасения в бегстве. Никто, кроме Хозяев Гамелинов.

Тарен Меченый сплюнул.

При всей своей ненависти к Хармане и Герфегесту он не мог даже заподозрить, что они решатся на подобную низость. Он был уверен, что Хозяева Гамелинов будут сражаться плечом к плечу вместе со своими людьми, пока смерть не разыщет их на бранном поле.

Но нет!

Стоило Пелнам прорваться на стены, как они ударились в бегство и исчезли. Разумеется, их ищут повсюду и рано или поздно найдут. Если они бежали прочь из Наг-Нараона – не беда. Пелны доберутся до Сивенка и до Авен-Рамана, до Наг-Геркана и до Кайелетских островов, в конце концов!

Если потребуется – они будут искать Харману и Герфегеста по всему Синему Алустралу. Ибо Хозяева Гамелинов сами поставили себя вне закона своим бегством с поля брани.

Тарен Меченый бросил взгляд в сторону Игольчатой Башни.

Он обязательно подыметя туда. Но уже завтра. Завтра. А сегодня, как ни устали воины, надо прибрать трупы, подсчитать павших, обеспечить всем горячий ужин (хотя какой там ужин? скорее завтрак) и ночлег.

К Тарену Меченому подошел с докладом один из полутысяцких, которому была поручена организация караулов в захваченной крепости.

– Говори.

– На всех постах – наши люди. Усиленная стража по десять человек. Распаливают костры. Комар не пролетит!

Тарен сдержанно кивнул.

– На Столбовую Дорогу выслали кого-нибудь?

– На Столбовую? Да, там сотня мечников. Устраивают засеку. На всякий случай.

– Хорошо. – Тарен действительно был доволен. – Ну а что на Игольчатой Башне?

Словно бы в ответ на его слова с вершины Башни сорвалась черная тень. И, отчаянно вопя, проследовала к земле в полном соответствии с законами падения свободных тел.

– На Башне засели какие-то отчаянные. Возможно, это был последний из них.

«Или один из наших», – справедливости ради отметил Хозяин Пелнов.

– Ладно, пусть сидят, – благосклонно кивнул Тарен. – Можешь идти.

Полутысяцкий собрался уходить, но Тарен удержал его.

– Постой. Объяви всем караулам: Хозяев Гамелинов предпочтительно взять живыми. Не обязательно – но предпочтительно. За мертвую голову каждого...

Тарен помедлил, соизмеряя размеры поощрения с сообщениями о почетном вассальном долге каждого Пелна перед Домом, который невозможно измерить ни деньгами, ни почестями. Наконец сумма была найдена.

– ...триста тридцать три полновесных золотых. За живого Хозяина – вдвое больше. Стало быть, шестьсот шестьдесят шесть.

И в этот момент над затихающим Наг-Нараоном родился звук. Пока еще негромкий, слабый, но слышимый очень отчетливо. Одинокая, тревожная нота, которая, казалось, может длиться день, год, век.

Полутысяцкий с тревогой посмотрел на нового главу Дома Пелнов. Что думает об этом звуке Хозяин?

Хозяин не знал, что и думать. Стараясь выглядеть как можно более спокойным, он, сам не зная отчего, вновь обратил свой взор к Игольчатой Башне. То, что он увидел, ввергло его в ужас.

Игольчатая Башня старательно уподоблялась исполин-

ской струне. Ее прежде отчетливый черный силуэт был словно чуть смазан, размыт на фоне сероватого неба. Но туман здесь был ни при чем.

Игольчатая Башня дрожала – от основания до маяка на верхушке. Эта дрожь – теперь Тарен наконец почувствовал ее – передалась стенам всего Наг-Нараона.

Повсюду раздавались встревоженные возгласы Пелнов. Чего именно страшиться? Куда бежать и стоит ли вообще бежать от неведомой напасти?

– Всем оставаться на своих местах! – проорал Тарен.

Его приказание было разнесено сотниками по всей крепости.

Вибрирующий звук становился все более громким, сочным, устрашающим.

– Конец всему, братья! – проорал чей-то перепуганный голос. Раздался звонкий хлопок – дисциплинированный ветеран отвесил трусу тяжелую оплеуху.

– Конец у тебя в штанах, придурок. А орешь как баба.

Вслед за этим раздался натужный хохот трех десятков глоток.

Тарен Меченый не сводил глаз с Игольчатой Башни. Какие еще сюрпризы преподнесут ее неведомые недра?

Он был готов ко всему. И потому, когда в небесах, в точности над вершиной Игольчатой Башни, переливаясь изумрудными и багровыми огнями, блеснула ослепительная вспышка, Тарен Меченый не дрогнул.

И когда прямая, как спица, пурпурная молния вонзилась в хрустальный купол на вершине Игольчатой Башни, он лишь сдержанно цокнул языком.

И только третий акт магической драмы заставил его сорваться с места и со всех ног припустить прочь, не разбирая дороги.

Игольчатая Башня переломилась сразу в двух местах – у основания и посередине. С душераздирающим рокотом, походя рассыпаясь на все более мелкие обломки, она начала неспешно складываться, будто была грандиозным равноплечим молотильным цепом...

Тарен успел. Помедли он еще несколько мгновений, его непременно захлестнула бы каменная лавина. Но прежде чем густые клубы пыли лизнули край его плаща, он перепрыгнул через каменный парапет и, оказавшись на нижней террасе, метнулся под карниз из огромных греовердовых плит.

Он вжался в камень всем телом, уповая лишь на собственную счастливую звезду.

26

Судьба Наг-Нараона наконец свершилась полностью.

Октанг Урайн был единственным человеком, готовым к падению Игольчатой Башни. Без его вмешательства она простояла бы еще долгие века. Когда каменная лавина, сокру-

шив северный обвод стен Наг-Нараона, пробила брешь в цепи караулов Тарена и ввергла его войско в панический хаос, Ураин покинул пределы своего мрачного узилища навсегда.

Он входил в мир. Мир еще не знал о его приходе. Но избранные начали прозевать уже тогда.

Стоя на балконе императорского дворца, красноглазый альбинос Торвент выронил невзыскательный глиняный кубок – его осколки причудливо разлеглись на мраморном полу внутреннего дворика, повторяя в миниатюре силуэт Игольчатой Башни.

Там же, в опочивальне императорского дворца Рема Великолепного, приступ дикого кашля овладел карликом Горхлой, телохранителем императора Торвента. Хрипя и сопя, карлик схватился руками за шею – на ней пламенел шрам, которого ранее не было.

Элиен и его супруга Гаэт разом прервали упоительный поцелуй.

«Мне показалось...» – начала Гаэт.

«Тебе не показалось», – сказал Элиен и в его изменчивых глазах Звезднорожденного пронеслись тревожные багровые сполохи.

И только Сиятельный князь Варана Шет окс Лагин остался бестревожен.

«Любезный брат мой? Неужто ты снова здесь?» – осведомился он у своего припухшего отражения.

В следующий миг Шет перегнулся через край раковины

для умывания, стоящей перед зеркалом, и исторг из себя струю розово-серой блевоты.

«С облегчением», – поздравил Шет забрызганное зеркало.

Часть вторая

Победа Властелина

Глава 6

Исчезновение

1

Истинная карта Сармонтазары, которую сейчас держал в руках Звезднорожденный Элиен, была выкована Шетом окс Лагином пятнадцать лет назад. Выкована из бронзового навершия шестопера, который некогда принадлежал Кавессару.

В те времена Шет окс Лагин был более чем Шетом окс Лагином. В его теле теснились две души. Воля Шета была порабощена волей Звезднорожденного Урайна, герверитского колдуна и прислужника Хуммера, принесшего в земли Сармонтазары неисчислимыя бедствия.

В те времена Шет не был Шетом и не ведал, что творит. Ураин ведал.

Три девственницы отдали карте свою честь и свою кровь.

Трое юношей отдали ей свое семя вместе с дыханием.

Элиен слышал, как сквозь толщу измененной материи пробиваются их слабые, едва слышные стоны. Стоны, оставшиеся звучать навеки для тех, кто умеет слышать. Элиен умел, он даже знал имена несчастных и был благодарен им, ведь они отдали свои жизни для того, чтобы жила карта, а значит – для того, чтобы Элиен знал всю правду о Круге Земель.

Десять лет назад Элиен разыскал ее на борту «Молота Хуммера» после битвы за Священный Остров Дагаат. Уже тогда он знал, что карта сотворена злом во имя зла. Но он не вышвырнул ее за борт. Ибо чувствовал, что рано или поздно наступят такие времена, когда даже оружие врагов не покажется ему лишним.

Эти времена наступили.

2

– Милостивый гиазир, гонец из Наг-Нараона!

Элиен отложил шестиугольную пластину карты, которую как раз собирался изучить, и воззрился на вошедшего.

Дорожный костюм гонца был изодран и перепачкан грязью, волосы – всклокочены. По всему было видно, что Герфегест Конгетлар не пожалел денег. Несчастный совсем выбился из сил, тшась доставить послание как можно скорее. Нужда и жадность – вот две вещи, которые позволяют вла-

дыкам весьма быстро сноситься друг с другом посредством писем.

Элиен развернул письмо и отослал гонца.

Сердце его тревожно забилося. Хотя, казалось бы, в самом письме, у нижней кромки которого радовала глаз экстравагантная яично-желтая печать Элая, не было ничего тревожного.

«...из вещей, которые особенно поразили меня, хотел бы упомянуть путешествие через Пояс Усопших и знакомство с госпожой Харманой Гамелин...»

«...Наг-Нараон, как мне кажется, скорее мрачен, нежели роскошен, но в нем можно обнаружить и определенную воздушность, вознесенность, которая очищает и закаляет душу...»

«...завтра начнутся Игрища Альбатросов, так что я прошу твоего заочного благословения, ведь мне предстоит выступать за Дом Гамелинов...»

«Хотя Элай по-прежнему не слишком силен в риторике, налицо определенный рост. Даже с претензией на изысканность. Эвон как о Наг-Нараоне написал! Неужто это Герфегест на него так влияет?» – не тая улыбки, подумал Элиен. В кои-то веки ему представилась возможность испытать гордость за сына.

Он пробежал по строчкам письма еще раз. Быть может, что-то важное осталось незамеченным? Какая-нибудь художественная подробность?

«Нужно показать Гаэт. Пусть тоже порадуется», – решил Элиен. Он отложил письмо и возвратился к карте.

– С-сыть Хуммерова! – процедил он, когда осознал смысл увиденного.

Перекрестье Поющего Оружия по-прежнему в Орине. Это он сам, Элиен, Звезднорожденный.

Мерцающая лиловая звездочка. Она по-прежнему в Урталаргисе. Это Шет окс Лагин, второй Звезднорожденный.

А вот это кое-что новенькое.

Зеленая звезда Октанга Урайна, чьей душе было назначено пребывать в теле Сделанного Человека, а телу Сделанного Человека – в Лоне Игольчатой Башни, сместилась. Она сместилась, Гаиллирис Жестоковыйный!

Зеленый изумруд, знак третьего Звезднорожденного, Октанга Урайна, лучился в песках Пояса Усопших.

Получалось, что теперь Урайн предоставлен самому себе и направляется к Вратам Хуммера. Это находилось за пределами всякого вероятия. Но Элиен видел это своими собственными глазами на хуммеровой карте, которая не лжет так же, как не лгут поработанные ее треклятой бронзой души умерщвленных!

– Двум сотням ирвамессов готовиться к выступлению! Выходим этим же вечером! – гаркнул Элиен своему молодому слуге и бережно сложил карту в шкатулку, сработанную из черепаховых панцирей.

Он знал – теперь карта пригодится ему не раз и не два.

Посмотреть на шлемоблещущую Ирвамессаду – тяжело-вооруженную оринскую конницу, что выступала в поход под начальством самого свела Элиена – сбежались огромные толпы.

Ирвамессы внушали страх и почтение, ими восхищались, им завидовали. Не было в Орине мальчишки, который не мечтал стать ирвамессом. Не было в Орине кузнеца, который не грезил заказом для них. Расхваливая жениха, языкастые оринские свахи обычно прибавляли: «И, между прочим, у него родич в Ирвамессаде».

Ирвамессада была более чем дружиной – символом Орина и его гордостью. Опорой Элиена и упованием его союзников.

Две сотни тяжеловооруженных воинов шествовали к воротам под одобрительный ропоток зевак. Элиен возглавлял шествие, ведя под уздцы Крума Второго – чистокровного грютского жеребца из табунов самого владыки грютов Аганны. Крум, пожалуй, был единственным членом процессии, которому не было никакого дела до того, куда направляется отряд. Остальные предавались безудержному мыслеблудию.

– Точно говорю тебе: идем усмирять обнаглевших аргинских горцев. Совсем сдурели недомерки! Поймали двух рудознатцев, отобрали инструмент и оружие. Так ладно бы на том успокоились. Навешали им люлей и сказали, что потре-

вожившие покой духов в следующий раз отправятся в Сагреалу с камнем на шее. А какие, скажи на милость, духи? Какие *у горцев* духи? Когда всякому известно, что нет силы, кроме Гаиллирисовой, и гиазир-свел проводник ее.

– Эк загнул. Нет же, умник, против горцев нас отправили бы на барках. А так ясно: возглавим пару герверитских девег и пойдем воевать дугунов. Они же дань зажали в этом году, нечестивцы!

Зеваки тоже не отставали. Каждый спешил щегольнуть своей проницательностью.

– Чую, свел снова к благородным в Синий Алустрал навострился. Сам слышал, у меня кума во дворце служит, жаба тебя заломай.

– Да куда там, «в Алустрал»! Говорю вам, идут в Линниг. Поглядеть, не самоуправствуют ли гервериты. И если что не так – вызовут войско.

– Войско... Да двести ирвамессов, чтоб ты знал, могут твой Линниг по бревнышкам раскатать! Никакого войска не понадобится! Мне зять рассказывал, у него брат в Ирвамессаде, Циндал, его каждый знает, так они там взглядом врага давить обучены...

О том, куда Элиен повел ирвамессов, в Орине судачили еще неделю. Впрочем, никто не сомневался: каков бы ни был противник, победа останется за гиазиром-свелом. И в самом деле, раньше никогда не бывало иначе.

– Почести Диорху! – зычным голосом скомандовал Ашера Тоций, Отец Ирвамессады, когда воины подошли к Горным воротам.

Все двести чинно припали на одно колено и смолкли, обратив лица к Обители Диорха.

Элиен тоже преклонил колени, хотя, конечно, приказы Ашеры Тощего на него не распространялись. Вот уже много лет Элиен ревностно чтит традиции города. Хотя бы уже потому, что сам их создал.

Объятые благоговейным трепетом, воины смежили веки.

Их роскошные шлемы с чеканными гребнями в виде трепещущих языков пламени отзывались лучам предзакатного солнца золотыми отблесками. Пластины наборных доспехов с накладной «черепицей» наплечников тоже отозвались солнцу мягким сиянием. Они были покрыты гравировкой из череды золотых и серебряных насечек, которые складывались в узорочья: кувшинки, трилистник, оскал пса, улыбка Солнца Предвечного. Стоил один комплект таких броней столько же, сколько десятков ронтов в Харрене, но кто сказал, что Орин должен экономить на величии?

Ирвамессы простояли коленопреклоненные несколько коротких колоколов. Каждый из них молился на свой лад: кто просил здоровья, кто богатых трофеев, а кто любви. И хотя

Элиен знал, что может быть услышана только его молитва, сейчас он не имел ничего против. Пусть воины укрепят сердце и дух перед нелегкой охотой на беглеца из Наг-Нараона.

Очень скоро Элиен откроет ирвамессам конечную цель похода. Скажет, что идут они к Вратам Хуммера, соединяющим два таких похожих и таких разных мира – Сармонтазару и Синий Алустрал. А вот о том, что они будут делать у Врат, Элиен умолчит. О том, что он отправляется к Вратам, чтобы изловить беглого раба Хуммера Октанга Урайна, чья душа в теле Сделанного Человека ищет возвращения в Сармонтазару, Элиен признался только Гаэт.

5

Кальт следовал в Тардер, столицу развращенного Ре-Тара. В этом был смысл. И смысл этот Кальт чувствовал всем нутром – словно биение сердца.

Его путь в Тардер лежал через город Харрену, столицу Харренского Союза, одноименную с этой северной колыбелью цивилизации и просвещения. Из Северной Лезы до Тардера был и более короткий путь, ведущий через дикие земли даллагов. Таким образом, заезжая в Харрену, Кальт делал порядочный крюк. Но здесь он рассчитывал пообвыкнуться с городскими нравами и купить оружие, приличествующее столице Вечного Царства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.